

СОСТОЯНІЕ РУССКАГО РАСКОЛА ПРИ ПЕТРѢ I.

Первый и главный вопросъ, съ которымъ необходимо встрѣчается всякій, начинающій заниматься первоначальной исторіей раскола, есть вопросъ о томъ, отъ чего зависѣло весьма быстрое усиленіе и распространеніе раскола съ самаго начала его происхожденія? Чтб, въ самомъ дѣлѣ, за тайственная, привлекающая сила заключалась для современниковъ въ этомъ повидому мертвомъ, неподвижномъ явленіи 17-го вѣка? Какимъ образомъ тѣ неважныя расколыническія положенія, съ которыми выступили первые расколоучители, могли приобрѣсти такое страшное вліяніе надъ многочисленными народными умами, что пересилили собой утвержденный вѣками авторитетъ пастырей Церкви? Чѣмъ этотъ „безобразный, сгнившій трупъ“, какъ его называютъ (1), могъ такъ сильно, неотразимо дѣйствовать и привлекать къ себѣ множество русскихъ людей изъ всѣхъ сословій, что они разрывали союзъ съ Церковію, бросали свое имѣніе и семейства и обрекали себя на лишенія и страданія и т. п.? Наше время такъ далеко разошлось въ своихъ интересахъ и стремленіяхъ съ 17 вѣкомъ, что при простомъ естественномъ пониманіи раскола, какимъ онъ дѣйствительно является въ

(1) Ист. Р. Ц. IV, стр. 180.

сочиненіяхъ самихъ расколоучителей, представляется невозможнымъ рѣшить эти вопросы и объяснить себѣ эти странныя явленія; въ наше время для рѣшенія ихъ потребовалось открывать таинственную завѣсу, которою прикрывъ расколъ свой дѣйствительный смыслъ и значеніе; сдѣлалось нужнымъ подъ видимою оболочкою раскольническихъ мнѣній искать въ расколѣ чего-то новаго, сокрытаго подъ нею. На расколъ составилъ новый взглядъ, въ которомъ церковно-обрядовыя положенія расколоучителей сдѣлались только видимою оболочкою народныхъ стремленій къ гражданской свободѣ и лучшему земскому устроенію,—по которому расколъ явился протестомъ противъ стѣсненія правъ, мысли и совѣсти, противъ безпорядковъ жизни гражданской и духовной, заявленіемъ предъ правительствомъ со стороны низшихъ слоевъ общества своего недовольства централизацией, заявленіемъ недовольства низшей іерархіей предъ высшею, низшаго податнаго состоянія передъ высшимъ... , короче сказать, составилъ взглядъ на расколъ, какъ на явленіе національно-демократическое, въ которомъ русскій народъ возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласія, въ доктрину все свое недовольство, все горе-злосчастье, всѣ элементы народныхъ бунтовъ;—поэтому-то, говорятъ, русскій народъ и отнесся съ такимъ полнымъ сочувствіемъ къ расколу, такъ крѣпко привязался къ нему и съ такою готовностію на все шель за вождями раскола, которые, сочувствуя потребностямъ и нуждамъ народа, говорили въ его духъ, со слезами на глазахъ, съ горячимъ участіемъ къ угнетенному народу и т. п. (¹). Взглядъ совершенно новый,

(¹) Мы не можемъ останавливаться слишкомъ долго надъ разборомъ этого взгляда, высказаннаго въ первый разъ г. Шаповымъ («Земство

заманчивый, поднимающій высоко смыслъ и значеніе раскола; но вѣренъ ли этотъ взглядъ исторически? Оправдывается ли онъ фактами исторіи раскола? Въ этомъ ли духъ національно-демократической оппозиціи заключается сущность раскола? И нужно ли еще открывать въ расколѣ другой какой либо смыслъ, кромѣ того, какой естественно вытекаетъ изъ сочиненій самихъ раскольниковъ? Положительнымъ отвѣтомъ на это будетъ служить дальнѣйшее изложеніе самаго дѣла, раскрытіе и уясненіе сущности раскола и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ началъ свое существованіе и которыя, по нашему мнѣнію, сами по себѣ, безъ привнесенія въ расколъ первыхъ его временъ гражданскихъ стремленій, заключали въ себѣ достаточную причину увлеченія въ расколъ многочисленной массы народа. А теперь замѣтимъ только, что выводить расколъ изъ гражданскихъ стремленій къ лучшему земскому благоустройству и этимъ объяснять быстрые успѣхи его въ массахъ земства несправедливо исторически. Обнаружилъ ли этотъ духъ гражданской оппозиціи хоть одинъ изъ первыхъ расколоучителей въ своихъ сочиненіяхъ (1)? Знакомые сколько нибудь съ ними не могутъ не сознаться, что не за бѣдствія народа, не противъ московской централизаціи они ратуютъ, а дѣйствительно противъ

и расколъ»), и потомъ сдѣлавагося господствующимъ у всѣхъ свѣтскихъ писателей по расколу (Время 1862 г. Янв. по поводу новыхъ изданій «Сынъ Отеч.» за 1862 г. № XXIV и др.), хотя и не можемъ пройти мимо его, потому что онъ касается смысла тѣхъ самыхъ событій, о которыхъ намъ придется говорить.

(1) Но раскольники, скажутъ, сами не умѣли высказать того, къ чему они стремились. Неправедливо. Когда впоследствии времени у нихъ дѣйствительно появился этотъ гражданскій протестъ, они высказали его прямо и ясно.

Никоновыхъ новшествъ; объ нихъ они и говорятъ постоянно; отъ нихъ предостерегаютъ своихъ читателей, ихъ обличаютъ, изъ за нихъ приказываютъ имъ страдать. Прочитайте раскольникчи челобитныя; есть ли въ нихъ какой нибудь намекъ на гражданскую протестацію? Напротивъ, онѣ относятся съ полнымъ сочувствіемъ къ старому порядку вещей, съ совершенно-вѣрно-подданныческими чувствами къ власти Государя и всего правительства, не соглашаясь только съ ними въ мнѣніи объ исправленіяхъ Никона. Правда, много было въ то время въ народѣ горя-злосчастья, но его заявлялъ предъ правительствомъ народъ не церковнымъ расколомъ, а побѣгами и бунтами, нѣсколько разъ повторившимися въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Находить и въ этихъ бунтахъ подтвержденіе изложеннаго выше взгляда, видѣть въ нихъ раскольникскій протестъ, антагонизмъ раскольниковъ противъ московской централизаціи, значить; по нашему мнѣнію, ужъ слишкомъ отступать отъ исторіи. Въ бунтѣ Стеньки Разина не было ничего раскольникскаго; это въ собственномъ смыслѣ было возстаніе обнищалаго и озлобленнаго бѣглаго простолюдиня противъ боярства (1). Да самый бунтъ соловецкій не былъ намѣреннымъ возстаніемъ противъ законной власти, а былъ только слѣдствіемъ рѣшительнаго отказа большинства соловецкихъ монаховъ ввести въ употребленіе новоисправленныя книги. Что это такъ, стоитъ только прочесть Соловецкую Челобитную; въ ней нѣтъ даже намека на тѣ фанатическіе возгласы, какіе мы услышимъ во времена Петра Великаго: „Повели, Государь, писали соловецкіе стар-

(1) См. «Бунтъ Стеньки Разина» Костомарова.

цы, намъ быти въ томъ же благочестіи и преданіи, въ коемъ чудотворцы наши... угодили Богу... Аще ли твой, Великаго Государя, помазанника Божія и Царя, гнѣвъ на насъ грѣшныхъ изліется... лучше намъ временною смертію умерети (')... Нѣтъ, расколъ на первыхъ порахъ былъ явленіемъ чисто и исключительно церковнымъ; духъ гражданской оппозиціи развился въ немъ гораздо позже, послѣ происхожденія раскола въ смыслѣ отдѣлившагося отъ Церкви общества, и развился двумя путями: съ одной стороны вслѣдствіе сближенія между собой церковныхъ раскольниковъ и людей недовольныхъ складомъ гражданской жизни; результатомъ этого было появленіе въ исторіи раскола тѣхъ полу-гражданскихъ, полу-церковныхъ раскольниковъ, извѣстныхъ подъ названіями: Пастухова согласія, Филиповцевъ и особенно Странниковъ. Но главнымъ образомъ это позднѣйшее противоправительственное направленіе раскола развилось въ слѣдствіе тѣхъ отношеній, въ которыя, по складу прежней исторической жизни, поставило къ себѣ раскольниковъ гражданское правительство, — отношеній, вслѣдствіе которыхъ въ расколахъ и даже ересяхъ, являвшихся съ 4-го христіанскаго вѣка, развивался болѣе или менѣе духъ гражданской оппозиціи, котораго не являлось прежде, когда государство не дѣйствовало противъ заблуждавшихся своими мѣрами. Но и послѣ того, какъ опредѣлено было (въ 1667 году) предавать раскольниковъ гражданскому суду, не вдругъ потерялось у нихъ прежнее уваженіе къ власти Государя, какъ ясно видно, наприм., изъ посланія Аввакума къ Алексѣю Михайловичу, писаннаго имъ изъ своего заключенія.

(') Соловецкая Челобитная.

Царствованіе Петра I, составляющее эпоху въ жизни Россіи, было замѣчательнымъ также временемъ и для раскола. Для раскола времена Петра I прежде всего были временемъ особеннаго сильнаго его распространенія, главнымъ образомъ вслѣдствіе новыхъ чисто гражданскихъ обстоятельствъ. Но увеличиваясь въ своемъ числѣ, расширяясь пространственно, раскольники въ то же время—конечно не всѣ—въ концѣ 17 столѣтія постепенно начинаютъ сосредоточиваться въ скитскія общины, которыя къ концу царствованія Петра получаютъ прочную организацію и пріобрѣтаютъ очень большое значеніе для раскола.—Фанатизмъ въ раскольническихъ общжитіяхъ начинаетъ нѣсколько ослабѣвать и обнаруживается только при особенныхъ обстоятельствахъ; но онъ продолжаетъ жить съ прежнею силою въ раскольникахъ необщжительныхъ и проявляется весьма замѣчательными для того времени явленіями, изъ которыхъ одни имѣютъ характеръ болѣе религіозный, другія — болѣе гражданскій.—Въ раскольническихъ общжитіяхъ сосредоточиваются напротивъ движенія другаго рода: здѣсь, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ обстоятельствъ, прежде прожитой раскольниками жизни и направленія, изъ котораго вышелъ расколъ, происходятъ раздѣленія раскола на секты.

Сообразно съ неодинаковымъ состояніемъ самихъ раскольниковъ и гражданское правительство относится къ нимъ неодинаково: къ раскольникамъ общжительнымъ и вообще къ безвреднымъ для гражданскаго благоустройства оно относится довольно миролюбиво, оставляя въ покоѣ ихъ общины подъ условіемъ выполненія ими гражданскихъ повинностей. Съ другой стороны фанатизмъ и безпорядки необщжительныхъ раскольниковъ

и гражданскихъ отщепенцевъ, въ своихъ мнѣніяхъ или дѣйствіяхъ болѣе или менѣе сходящихся съ раскольниками, навлекають на тѣхъ и другихъ строгія гражданскія мѣры.

Представить себѣ съ довольною ясностію состояніе раскола при Петрѣ I нельзя, не очертивши предшествующаго періода раскола. Для того, чтобы съ возможно большею ясностію понимать намъ смыслъ и связь событій и яснѣе представить себѣ, въ чемъ именно состояло развитіе раскола во времена Петра, какъ и почему оно такъ, а не иначе совершалось и что собственно новаго выработалъ себѣ расколъ въ это время, считаемъ нужнымъ сдѣлать очеркъ состоянія раскола до Петра I-го.

Очеркъ состоянія раскола до Петра I-го.

Расколъ былъ уже силенъ и числомъ своихъ послѣдователей и своею внутренней силой, антипатіями и фанатизмомъ, когда Петръ I вступилъ на престолъ и началъ свои преобразованія. Около 1676 г. онъ могъ насчитывать уже до 100,000 своихъ послѣдователей, готовыхъ умереть за свою вѣру. Устные и письменныя увѣщанія и обличенія, ссылки, срубы и анаемы большаго московскаго собора противъ церковныхъ возмутителей оставались болѣею частию безуспѣшными, какъ замѣтилъ еще протоіерей Іоанновъ въ историческомъ извѣстіи.

Мы не можемъ — да и нѣтъ нужды — долго останавливаться на причинахъ этого явленія, обстоятельно изслѣдованныхъ уже г. Шаповымъ (1); въ самомъ корот-

(1) Разумѣемъ его Русскій Расколъ Старообрядства.

комъ очеркъ укажемъ только главнѣйшія изъ нихъ и выяснимъ значеніе нѣкоторыхъ событій, которыя такъ много послужили и внѣшнему и внутреннему усиленію раскола.

Главная и существенная причина необычайно быстрыхъ успѣховъ раскола съ самыхъ первыхъ временъ его существованія заключается въ самой сущности раскола и въ полномъ соотвѣтствіи первыхъ положеній расколуучителей съ вѣрованіями народныхъ массъ. То, что въ первый разъ высказали расколуучители, возставая противъ исправленій Никона, было не ново; они были только представителями религіознаго сознанія и вѣрованій большинства своихъ современниковъ, и въ этомъ-то главная ихъ сила и первое условіе успѣховъ ихъ ученія.

Направленіе религіозной жизни, изъ котораго вышелъ и которое воплотилъ въ себѣ расколъ и въ которомъ, по нашему убѣжденію, состоитъ его сущность, развивалось въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, совершенно окрѣпло и было господствующимъ во времена происхожденія раскола въ большинствѣ народныхъ массъ. Не въ первый разъ оно выступило въ 17 столѣтіи, — оно развито было сильно уже въ самомъ началѣ 16 вѣка; въ половинѣ этого вѣка имѣло ревностныхъ и упорныхъ своихъ представителей на Стоглавомъ Соборѣ, канонизовало нѣкоторыя изъ своихъ положеній въ такъ называемомъ стоглавѣ; его силу и увѣренность испытали уже на себѣ препод. Максимъ Грекъ (30 лѣтними страданіями заплатившій за борьбу съ этимъ направленіемъ), отцы стоглаваго собора, не могшіе „до-спѣть“ на немъ ничего о крестномъ знаменіи, и препод. Діонисій, троицко-сергіевскій архимандритъ съ своими

сподвижниками. Это-то направление религиозной жизни, которое не раз уже производило расколы в христианской церкви (монтанскій, донатистскій),—то одностороннее, узкое, внѣшнее пониманіе христианства и христианскаго богопочтенія, при которомъ христианинъ слишкомъ мало или нисколько не проникаетъ въ существенныя стороны христианства, сосредоточиваетъ свою мысль и дѣятельность на однихъ внѣшнихъ сторонахъ, формахъ, выраженіяхъ (каковы обряды) христиански-благочестивой жизни; на нихъ онъ переноситъ все свое благоговѣніе и въ строгомъ соблюденіи ихъ полагаетъ все свое спасеніе, котораго жаждетъ его сердце,—это мертво-обрядовое направленіе религиозной жизни, при которомъ онъ обрядамъ, подвигамъ внѣшняго благочестія и т. п. придаетъ значеніе божественное, единственно условливающее собой спасеніе, и потому не позволяетъ ни измѣнять, ни исправлять ихъ, и на всякое отступленіе отъ нихъ смотритъ какъ на ересь. Въ основаніи его всегда лежитъ недостатокъ разумѣнія догматико-нравственнаго ученія христианства, всегда оживляющаго и просвѣщающаго церковно-обрядовое направленіе, объясняющаго и опредѣляющаго смыслъ и значеніе въ христианской жизни церковной внѣшности и обрядности. При какихъ историческихъ обстоятельствахъ образовалось такое направленіе, извѣстно: съ 15-го особенно вѣка наступили времена темныя: училища перевелись, священныя должности замѣщались лицами, едва читавшими по складамъ, слово живой проповѣди прекратилось, были даже люди, смотрѣвшіе на живую проповѣдь и на просвѣщеніе, какъ на что-то весьма опасное, гибельное, могущее вести къ ересямъ и сумасше-

ствію (1). Такимъ образомъ средствъ изучать христіанское ученіе и божественныя учрежденія не было, а огромнѣйшее большинство пастырей и само не имѣло этого, „едва умѣя азбуку, не зная, по словамъ Арсенія глухаго, ни православія, ни кривославія, проводя божественныя писанія по чернилу (2). Все благочестіе набожныхъ русскихъ людей, и прежде еще этого отличавшихся въ своей религіозной жизни по преимуществу церковно-обрядовымъ характеромъ, обратилось теперь на то, что было доступно въ церковной практикѣ, т. е. къ церковной обрядности, къ церковному благолѣпію, къ формамъ благочестивой жизни и подвигамъ внѣшняго благочестія (3) и остановилось и сосредоточилось на нихъ однихъ. Отсюда переходъ уже очень естественный къ тому, что набожные русскіе люди того времени, не усвоивъ сознательно божественнаго ученія и божественныхъ учрежденій въ Церкви и питааясь одною церковною обрядностію, безъ надлежащаго пониманія ея смысла, придали ей сверхдолжное значеніе божественныхъ учрежденій, безусловно обязательныхъ для всѣхъ христіанъ, и наложили на все въ жизни русскаго христіанина—даже на мелочи—религіозную санкцію; и чѣмъ болѣе упадало просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и сознательное усвоеніе христіанства, тѣмъ болѣе развивалось и крѣпло такое мертво-обрядовое направленіе. При этомъ направленіи благочестивой жизни, существовавшія въ различныхъ мѣстахъ особенности въ обрядахъ, чтеніи богослужебныхъ книгъ и т. п., безъ которыхъ

(1) Ист. р. Ц. Фил. П. III стр. 126—139.

(2) Ркп. посл. въ рус. Рас. Стар. 36, 37 стр.

(3) Подтвержденіе этого въ Ист. Рус. Ц. пр. Фил. П. III. 148 — 150 стр.

(особенностей) не обходится ни одна христіанская страна, получают особенное, чрезвычайное значеніе въ благочестивой жизни христіанина; самыя не важныя обрядовыя разности теперь стали обращать на себя вниманіе и получать почти догматическую важность, служить предметомъ жаркихъ споровъ и раздѣлять пасомыхъ и пастырей на двѣ партіи. Въ 15-мъ вѣкѣ обнаружались уже почти всѣ тѣ церковно-обрядовыя положенія, которыя въ первый разъ выставили расколочителіи противъ исправленія Никона (1). Буква богослужебныхъ книгъ становится въ сознаніи набожныхъ русскихъ людей неизмѣнною и сохраненіе ея входитъ въ условія спасенія: „сицевыми книгами, говорятъ, русскіе чудотворцы благоугодиша Богови“. Извѣстное раскольническое чтеніе 8-го члена символа вѣры въ началѣ 16 вѣка уже окрѣпло также въ сознаніи даже нѣкоторыхъ высшихъ пастырей русскихъ, какъ вполне истинное и неизмѣнное ученіе, а двуперстное перстосложеніе не только существуетъ уже твердо въ началѣ этого вѣка въ обрядовой практикѣ многихъ русскихъ, но уже вступаетъ въ борьбу съ обще-церковнымъ видомъ крестнаго знаменія, защищается древностію — свидѣтельствами прежнихъ учителей — Петра Дамаскина, Θεодорита и др.; далѣе — въ самой полинѣ 16-го вѣка борода и усы для нѣкоторыхъ получили такое значеніе

.....

(1) Напр. о хожденіи посоловъ спорять долго и съ жаромъ и не вдругъ подчиняются власти митрополита; аллилуія получаетъ значеніе великой тайны, сокровенной въ Богѣ, заключающей въ себѣ глубокую премудрость, никому не открытой — ни св. отцамъ, ни даже пророкамъ; тайны, для протолкованія которой становится необходимымъ явленіе самой Пресв. Дѣвы; неприяніе двойной аллилуіи увлекаетъ, говорятъ, на богоненавистниковъ гнѣвъ Божій и приводитъ къ идолопоклонству.

въ дѣлѣ спасенія человѣка, что бритые и подстриганіе лишаютъ, по ихъ пониманію, христіанина въ загробной его жизни молитвеннаго ходатайства за него Церкви и низводятъ его на степень невѣрнаго (извѣстное опредѣленіе Стоглава); различные виды креста обратили также на себя вниманіе, какъ видно изъ царскихъ вопросовъ отцамъ Собора 1551 г.; мало того, изъ нихъ видно, что осьмиконечный крестъ пользовался тогда особеннымъ благоговѣніемъ. Такимъ образомъ и направленіе религіозной жизни, которое воплотилъ въ себѣ расколъ, было уже сильно, и обрядовыя особенности, которыя выставили расколоучители противъ исправленій Никона, существовали и защищались съ давняго времени, были сильны и своею двухвѣковою давностію и своею почти повсюдною распространенностію (¹) въ землѣ русской — и въ этомъ-то главная сила и первое условіе успѣховъ раскола первыхъ временъ. Ослабить первое (направленіе) и уничтожить послѣднія можно было только постепенно, путемъ вѣковаго образованія и продолжительнаго уясненія истинно-христіанскаго богопочтенія. Сознавалъ это и Никонъ, заводя школы; но этого свѣта слишкомъ было мало, онъ недалеко достигнулъ, да притомъ многіе и слишкомъ отвыкли отъ него. А между тѣмъ начались исправленія книгъ и обрядовъ; всѣ мѣры предосторожности патріарха и царя не послужили ни къ чему и какъ будто еще больше придали значенія тѣмъ предметамъ, противъ которыхъ онъ направлялись. Извѣстные „самодурные ревнители безчинія, воздвигавшіе прю“, были удалены съ печатнаго двора—

(¹) Извѣстно, что Патр. Іосифъ и самъ Никонъ до извѣстнаго времени крестились двумя перстами.

это конечно влило въ нихъ еще свѣжую струю раздраженія и негодованія на Никона (1), и удалены изъ Москвы. Интриги бояръ московскихъ, низвергнувшихъ Никона, оказали расколу услугу другаго рода. Ссылки въ высшей степени возбудили въ расколоучителяхъ ненависть къ Никону и еще болѣе утвердили ихъ въ намѣреніи отстаивать свои мнѣнія. Паденіе Никона и недоброжелательство къ нему бояръ дали теперь имъ полную возможность обнаружить и разлить дальше то, что въ нихъ кипѣло; нерасположеніе къ Никоновой церковной реформѣ смѣло и рѣзко могло теперь высказываться при существованіи официально-принятаго неблаговоленія къ личности Никона. Расколъ такимъ образомъ уже много пережилъ и принялъ въ себя нѣсколько новыхъ элементовъ, еще болѣе оживившихъ и усилившихъ лежавшее въ его основѣ направленіе религіозной жизни; онъ былъ силенъ и давностію этого направленія, жившаго и господствовавшаго въ народѣ и освященнаго вѣками, и страданіями своихъ вождей, и удавшемуся ему свободою, возбудившею надежду на успѣхъ и господство, когда наконецъ рѣшились остановить его и подавить силой власти соборной, авторитетомъ всѣхъ верховныхъ пастырей Церкви русской и греческой; — но и эта величайшая церковная сила оказалась недостаточною.

Въ слѣдующемъ (за большимъ Московскимъ Соборомъ) году началось новое событіе, направленное къ подавленію и обузданію раскольниковъ, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно много послужившее расколу, давшее ему

(1) Подробнѣе о значеніи этого распоряженія Никона въ происхожденіи раскола, см. Хр. Чт. за 1861 г. февр. 101—108.

множество новыхъ силъ для его прочнаго существованія и пространственнаго развитія; разумѣемъ осаду и взятіе Соловецкаго монастыря. Извѣстно, какимъ значеніемъ и нравственнымъ вліяніемъ издавна пользовался этотъ монастырь въ глазахъ всего русскаго народа; онъ былъ для набожныхъ русскихъ людей русскимъ Іерусалимомъ, цѣлю религиозныхъ странствованій, самую трудностію достиженія привлекая къ себѣ толпы русскихъ богомольцевъ. И вотъ этотъ-то монастырь за непринятіе новоисправленныхъ книгъ былъ объявленъ „противнымъ св. Церкви“ и лишился всѣхъ своихъ выгодъ и угодій за древнее благочестіе и наконецъ былъ осажденъ. Скорѣе могли повѣрить русскіе люди, что уклонились отъ истины верховные пастыри ихъ, чѣмъ суровые подвижники этого монастыря, наслѣдники, по ихъ понятіямъ, вѣры и благочестія великихъ Зосимы и Савватія. Увѣренность въ своей истинности росла у раскола, осужденнаго соборомъ, и нашла новое основаніе и поддержку для себя въ примѣрѣ соловецкихъ подвижниковъ, вставшихъ за одно дѣло съ раскольниками. Но это не все. Укрѣпивъ своимъ примѣромъ и вліяніемъ внутреннюю увѣренность въ себя раскола, Соловецкій монастырь далъ послѣдному и множество самыхъ ревностныхъ и авторитетныхъ проповѣдниковъ. Во время 8 лѣтней (съ 68—76 г.) осады въ большомъ количествѣ ⁽¹⁾ бѣжали изъ монастыря соловецкіе иноки и потекли всюду, не останавливаясь гдѣнибудь навсегда, по монастырямъ, городамъ и селамъ, разсѣялись по всему Поморью, явились въ предѣлахъ новгородскихъ и кар-

⁽¹⁾ См. объ отпѣхъ и страдальцѣхъ Солов. или описаніе соч. раск. А. Б. ч. I. 104—108.

гопольскихъ, въ Москвѣ, даже въ Нижнемъ-Новгородѣ— являлись всюду строгими аскетами, окруженные славою перенесенныхъ ими страданій, — съ сильно возбужденною преслѣдованіями ненавистью къ Церкви и ревностью къ старой вѣрѣ, являлись съ вѣстью о страшныхъ вытерпѣнныхъ ими мученіяхъ за вѣру, о чудесахъ, явленныхъ якобы Богомъ въ прославленіе своихъ мучениковъ, которыя передаетъ Денисовъ и т. п. Можно представить себѣ, съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ они проповѣдывали свое ученіе и съ какимъ благоговѣніемъ слушалъ ихъ жаркую проповѣдь народъ, незнавшій и ничего неслыхавшій ни о ложности чудесъ, ни о ходѣ событій соловецкой осады! Могъ ли найти для себя расколъ болѣе одушевленныхъ, заинтересованныхъ, авторитетныхъ и дѣятельныхъ проповѣдниковъ? „Яко песокъ морскій или яко звѣзды небесныя, тако ученицы чудотворцевъ Соловецкихъ, изъ киновіи изшедше, умножишася и умножиша“ (сѣмена раскола) говорилъ Денисовъ (1). „И это вліяніе разоренія Соловецкой обители частію продолжается и доселѣ. Раскольническіе моцци, наприм. Софонтія—выходца Соловецкаго (наход. въ сем. уѣздѣ, нижег. губ. ок. Дьяконова), и доселѣ привлекаютъ еще къ себѣ благоговѣйныхъ почитателей, стекающихся сюда на Пасхѣ и въ Духовъ день для поклоненія (2).

Говоря о большомъ Московскомъ Соборѣ, мы не обратили вниманія еще на одно его постановленіе, имѣвшее огромное значеніе во всей послѣдующей судьбѣ раскола, въ дальнѣйшемъ ходѣ и направленіи его развитія,

(1) Объ отцахъ и страд. Солов. ч. 64.

(2) Ист. Нижег. Герарх. стр. 37. прим. 7.

постановленіе, подѣ дѣйствіемъ котораго расколь при-
нялъ духъ оппозиціи не только церковно-іерархической,
но и гражданской, подѣ вліаніемъ котораго опредѣли-
лись необыкновенно-враждебныя отношенія раскольни-
ковъ къ церкви и государству, — разумѣемъ постано-
вленіе Собора, что „еретики и раскольники не только
церковнымъ наказаніемъ имутъ наказатися, но и цар-
скимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ (1).
Эта мѣра, въ первый разъ употребленная противъ жи-
дующихъ и, повидимому, оказавшаяся въ то время
полезною для Церкви, теперь—въ приложеніи къ расколу
привела къ результатамъ совершенно противоположнымъ
цѣли. Ссылки, рѣзаніе языковъ, сожженія и т. п. не-
только не ослабили, но еще страшно усилили расколь
и сдѣлали положенія его драгоцѣннѣйшею святынею для
его послѣдователей. Они страшно возбудили въ расколь-
никахъ антипатіи и ненависти, которыя сосредоточива-
ли всѣ ихъ симпатіи на томъ, за что преслѣдовали ихъ,
какъ бы ни было это нелѣпо для здоровой мысли, и со-
вершенно препятствовали сколько нибудь вникнуть въ
ученіе Правосл. Церкви. У раскольниковъ — далѣе —
вслѣдствіе этой мѣры явились свои страдальцы, муче-
ники, приковывавшіе къ себѣ, а чрезъ себя естествен-
но и къ своему ученію, сердечныя симпатіи, явилась
своя исторія, преданія, дорогія для послѣдователей, со-
ставились легенды о чудесахъ-знаменіяхъ благоволенія
къ нимъ Божія (2).

(1) Полн. С. З. 1., № 412. ст. 706. Прибавл. къ Акт. Ист. V, 472, 486—487.

(2) Въ родѣ того, наприм., какъ отсѣченная у Лазаря рука слагала крестное знаменіе двумя перстами, какъ говорилъ онъ и многіе другіе расколоучители безъ языка, какъ Богъ давалъ имъ и другой и третій языкъ и т. п. (См. Жит. Авв. стр. 91. 927).

Мы видѣли, чѣмъ кончилась для раскола осада Соловецкаго монастыря. Какъ и слѣдовало ожидать, расколъ еще болѣе усилился и распространился (1). Вслѣдствіе этого, въ 1681 г., предложены были царемъ Собору и приняты имъ строгія мѣры. Начались сыски, заточенія и казни (2), поддерживавшія въ раскольникахъ фанатизмъ, препятствовавшій сближенію ихъ съ православною Церковію, дававшія имъ новыхъ страдальцевъ за древнее благочестіе, новые предметы благоговѣйнаго почитанія. Въ 1681 году въ великую пятницу (1 апр.) казнены были огненною смертію знаменитѣйшіе расколочители: Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и Никифоръ. „Вотъ будете этимъ крестомъ молиться, сказалъ Аввакумъ съ подозненнаго уже костра къ собравшейся толпѣ народа, во вѣкъ не погибнете, а оставите его, городокъ (Пустозерскъ) вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ, а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ (3)!“ и, конечно, эти грозныя слова, сказанныя съ страшнаго эшафота передъ самою казнью фанатическимъ расколочителемъ, глубоко залегли на душу многимъ изъ собравшейся толпы; а самая казнь легла на сердца народныя новою ненавистью, новымъ камнемъ преткновенія къ сближенію съ Церковію. Почитатели Аввакума, которыхъ немало пріобрѣлъ онъ, конечно, въ Пустозерскѣ въ продолженіи 14-лѣтняго своего заключенія, поставили за городомъ Аввакумовъ (4) крестъ, а раскольники причли его къ лику своихъ святыхъ.

Отвѣтомъ на эти событія и слѣдствіемъ раздраженія

(1) Исторія раск. Мак. 327.

(2) Акты Ист. V № 73, стр. 108—118.

(3) Раск. дѣла 18 стол. г. 1 стр. 117.

(4) Такъ онъ называется. См. Есипова стр. 117.

раскольниковъ было раскольническое возстаніе 1682 года, имѣвшее цѣлю: „како бы имъ свою вѣру утвердить, а сію искоренить, а противныхъ ихъ вѣрѣ всѣхъ побить, Патріарха по своему изволенію утвердить (1)“. „Нечего уже намъ, рассуждали они (2), говорить съ ними (пастырями Церкви), все дѣло въ царѣ затворилося и за однимъ имъ стоять“, и вотъ милости тогдашней правительницы стрѣльцамъ и страхъ наведенный передъ тѣмъ ими на Москву внушили имъ надежду „утвердить св. вѣру“, а испытываемыя раскольниками преслѣдованія, на которыя не разъ указывается въ исторіи о вѣрѣ и челобитной о стрѣльцахъ (3), служили побужденіемъ къ этому раскольническому движенію, охватившему собой не только большую часть стрѣлецкихъ полковъ, но и чернослободцевъ и „такъ въ ономъ возмутительномъ народѣ сей проклятый расколъ утвердился твердо, что готовы на смерть и на вся мученія и возжешеса едва не весь народъ“ (4). Возстаніе, затѣянное собравшимися въ Москву расколоучителями въ самую лучшую и благоприятную для ихъ успѣховъ минуту, не удалось; стрѣльцы были отклонены отъ участія въ дѣлахъ духовныхъ, Никита Пустосвятъ былъ казненъ, а „черницы бродяги сѣчены кнутомъ и разосланы по разнымъ епархіямъ въ заточеніе“ (5). Раскольники притихли (6), „обаче отъ сердець своя злобы не искорениша, но умножаша“. Хованскій пребысть въ злобѣ за учителя св. Пустосвя-

(1) Зап. рус. людей. Крекшинъ стр. 41.

(2) Слова Аввак. въ посланіи къ Алексію Мих. Разск. изъ ист. Старообр. стр. 97.

(3) Описаніе соч. раск. А. Б. стр. 41, 42 и др. три челоб.

(4) Зап. рус. людей. Крекш. стр. 41.

(5) Слов. Крекш. 41 стр.

(6) Тамъ же.

та (1). „Явно ходить по Москвѣ раскольники перестали, говорить Медвѣдевъ (2), тайно же и нынѣ по дворамъ, яко кишится, блядословятъ“. Это замѣчательное раскольническое возстаніе было послѣднимъ открытымъ явленіемъ предъ правительствомъ желаній со стороны раскольниковъ; челобитныя раскольническія съ этого времени прекратились; у раскольниковъ началась тайная подземная работа, по временамъ только нечаянно обнаруживавшая свою неестественную напряженность. Испытавши эту послѣднюю неудачу, раскольники отказались уже навсегда сдѣлать свою старую, какъ они говорятъ, вѣру господствующею или, покрайней мѣрѣ, дозволенною (3) путемъ официальнымъ, или чрезъ состязаніе съ Патріархомъ и отказались съ этого времени отъ всякихъ состязаній. Убѣдившись съ своей точки зрѣнія въ еретичествѣ никоніанскаго духовнаго и гражданскаго правительствъ, они окончательно установили теперь непримиримо-враждебный взглядъ на то и другое, не высказывая имъ ни своихъ желаній, ни требованій, рѣшительно замкнулись въ самихъ себя, стараясь по возможности уединить и удалить себя совершенно отъ общенія съ никоніанами. Въ 1684 г. явилось новое, чрезвычайно строгое постановленіе противъ рас-

(1) Крекшинъ.

(2) Зап. рус. люд. т. I. стр. 30.

(3) Такъ именно объяснялъ Никита цѣль возстанія: «придехомъ заъ великимъ государемъ челомъ бить о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобъ велѣли Патріарху и властемъ служить по старымъ служебникамъ, такожде и книги всѣ были бы по св. церквахъ старыя... А буде Патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служить, они бы великіе государи велѣли ему, Патріарху, чтобъ съ нами далъ праведное свое разсмотрѣніе, за что оиъ Патріархъ... тѣхъ людей, которые по тѣмъ старымъ книгамъ чтуть и поють, проклятію предаеть и въ дальшія заточенія засылаеть... (Ист. о вѣрѣ и челоб. у А. Б. 44 стр.)

кольниковъ, узаконившее пытки для пріобрѣтенія дознанія отъ оговоренныхъ въ расколѣ и огненную смерть для тѣхъ, которые „покоренія св. Церкви не принесутъ,“ — узаконеніе, подвергавшее „жестокому наказанію“ кнутомъ тѣхъ православныхъ, которые держали у себя раскольниковъ и не донесли про нихъ, — осуждавшее „на смерть безъ всякаго милосердія“ перекрещивателей, хотя они „Церкви Божіей покореніе принесутъ и отца духовнаго принять и св. Таинъ причаститися желати будутъ истинно“, — осуждавшее на кнутъ всѣхъ перекрещивавшихся у раскольниковъ, даже и въ томъ случаѣ, если „они въ томъ учнутъ виниться безъ всякія противности“ .., — подвергавшее конфискаціи движимаго и недвижимаго имѣнія и прямыхъ раскольниковъ и тѣхъ, „у кого жили и поручителей, которые ручались за нихъ“ и т. п. (¹). Вызванное громадными успѣхами раскола и раскольничьими беспорядками, это постановленіе и само въ свою очередь вызвало новые, еще большіе беспорядки; въ 85 году явилось много бѣглыхъ раскольниковъ; раскольники начали оставлять совершенно предѣлы Россіи (²); разсѣявшіеся въ нижнихъ ея предѣлахъ, начали сосредоточиваться, группироваться въ значительныя шайки подъ руководствомъ расколоучителей; такъ — раскольники, бѣжавшіе на Донъ, въ 1688 г. подъ руководствомъ Досіея, Пафнутія и Θεодосія засѣли въ одномъ городѣ на р. Медвѣдицѣ; другое многочисленное раскольническое скопище (въ 500 чел.) засѣло въ „большихъ крѣпостяхъ близъ Тамбова и Козлова и съ ожесточеніемъ отражало посланныхъ правительствомъ для

(¹) П. С. З. Т. II № 1102—647.

(²) Акт. Ист. V, № 127.

истребленія донскихъ казаковъ (1); въ 96 г. были переловлены раскольники, производившіе разбои и убійства на Волгѣ (2); въ 93 г. казаки - раскольники въ большомъ числѣ осадили Черный Яръ (3), разнеслись слухи, что казаки - раскольники вмѣстѣ съ татарами собираются разбойничать по Волгѣ (4); въ томъ же 93 г. раскольники въ числѣ 200 чел. напали на пудоожскую церковь (въ новгор. губ.), силой заняли ее, пересвятили и начали по своимъ книгамъ отправлять въ ней богослуженіе (5). — Таковъ былъ ходъ исторіи раскола до времени Петра I-го и таковы благоприятствовавшія расколу обстоятельства, давшія ему полную возможность окрѣпнуть, утвердиться прочно и широко — даже внѣ Россіи — раскинуть свои предѣлы.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка этихъ внѣшнихъ событій нельзя не угадывать съ перваго раза, каково внутреннее развитіе раскола и какъ, въ какую сторону и по какому направленію оно должно совершаться. Всякій расколъ, а также и нашъ русскій, всегда страдаетъ недостаткомъ сознанія, ясности, разумности, отчетливости, и собственно самъ онъ есть непосредственное слѣдствіе этого, прямой результатъ неяснаго, неразумнаго пониманія христіанства и христіанскаго богочтенія; временами расколовъ были всегда времена темныя, мѣстами ихъ образованія были страны, не отличавшіяся образованностію; основателями расколовъ всегда были лица, не отличавшіяся научнымъ богослов-

(1) П. С. З. Т. II. № 1310.

(2) Акт. Ист. V. № 254.

(3) Акт. Ист. V, № 220.

(4) Тамъ же № 221.

(5) Акты Ист. № 223.

скимъ образованіемъ. — Бѣдствія, постигшія первыхъ расколоучителей, еще болѣе ослабили эту сознательность. Накипавшія у нихъ естественно чувствованія по мѣрѣ своего усиленія постѣпенно все болѣе и болѣе стѣсняли, ослабляли, подавляли сколько нибудь самостоятельную дѣятельность разумныхъ силъ въ усвоеніи христіанскихъ истинъ; мысль работала уже не сама; разсудокъ дѣлался слѣпымъ орудіемъ чувствованій. Горькія и тяжелыя чувствованія ожесточенія и вражды все доброе и святое помрачили въ ихъ глазахъ; усилившіяся въ нихъ антипатіи влекли ихъ къ отрицанію, не давая имъ времени обдуматься и взглянуть на дѣло разумными глазами. Они не признавали ничего святаго въ Церкви православной, потому что этого требовало озлобленное ихъ сердце. Разумныя силы не вступали уже болѣе въ свои законныя права и подчинились совершенно голосу больного, крайне раздраженнаго сердца; поэтому-то и находимъ мы у первыхъ расколоучителей самыя несправедливыя, недобросовѣстныя обвиненія противъ Правосл. Церкви (наприм. будто православные молятся духу лукавому, не признаютъ вочеловѣченія Сына Божія), дѣйствительныя противорѣчія самимъ себѣ (1), — историческую ложь: Арсеній Грекъ, наприм., является у нихъ безвѣстнымъ еретикомъ, жидовиномъ, обѣщавшимся Никону превратить писанія Пророкъ и Апостолъ (2). Страданія укрѣпляли въ нихъ вѣру въ свою правоту и возвышали увѣрен-

(1) Наприм., то говорятъ, что трехперстное перстосложеніе для крестнаго знаменія ввелъ папа Формозъ (А. Б. ч. I. стр. 30), то, что у грековъ такового мудрованія не бывало до Никона, что и греки отъ его книги (Скрыжали) прельстились (Тамъ же стр. 34), то называютъ его армянскою ересью; и это встрѣчается у одного и того же расколоучителя.

(2) А. Б. стр. 35.

ность въ истинности ихъ ученія до крайней степени. Строго-обрядовое направленіе всегда отличается сознаниемъ своей богоугодности; теперь это сознание достигаетъ крайней напряженности и проявляется экстазами: расколоучители видятъ въ себѣ посланниковъ Божіихъ, говорятъ о себѣ словами Апостоловъ и т. п. Картины ихъ страданій — можетъ быть преувеличенныхъ — и откровеній постоянно смѣняются у нихъ однѣ другими. Напряженное состояніе, внѣшніе подвиги и бѣдствія доводятъ ихъ до самыхъ странныхъ экстазовъ: Божіимъ благословеніемъ, говоритъ нарим. Аввакумъ, ночью второй недѣли на канунѣ пятницы распространился языкъ мой и сталъ очень великъ, потомъ и зубы сдѣлались большими... и весь я широкъ и пространенъ подъ небомъ (распространился по всей землѣ), а потомъ Богъ помѣстилъ въ меня небо и землю и всю тварь... такъ продолжалось съ небольшимъ полчаса (¹). Таково было внутреннее состояніе первыхъ расколоучителей, обнаружившееся и въ ихъ ученіи всѣми особенностями своей неестественности. И прежде набожные русскіе люди высоко цѣнили обряды и нѣкоторымъ церковно-обрядовымъ особенностямъ придавали слишкомъ большое значеніе; теперь они стали для расколоучителей еще дороже, еще важнѣе въ дѣлѣ спасенія; они ставятъ ихъ наравнѣ съ догматами, причисляютъ ихъ къ послѣднимъ, смѣшиваютъ съ ними. При томъ раздраженіи, въ какомъ находились расколоучители, самыя мелочныя исправленія въ богослужебныхъ книгахъ, касавшіяся не мыслей, не обрядовъ, а одной буквы, кажутся имъ исполненными всѣхъ ересей, измѣненіями весьма

(¹) Разск. изъ ист. Стар. стр. 103.

важными. Цѣлыя челобитныя составляютъ изъ указаній самыхъ мелочныхъ измѣненій въ буквѣ, въ которыхъ однако расколоучители голословно указываютъ всевозможныя ереси. Вслѣдствіе сего на Никона они стали смотрѣть, какъ на величайшаго еретика. У первыхъ расколоучителей встрѣчаются иногда вещи, которыя и можно объяснить однимъ только страшно-болѣзненнымъ раздраженіемъ ихъ, въ родѣ того, какъ говоритъ Аввакумъ: будто никоновскіе справщики духу лукавому напечатали молиться; въ крещеніи сатаны не отрицаются (1) и т. п. При такомъ взглядѣ на никоніанъ, понятно, какія должны были установить къ нимъ отношенія раскольники; послѣдніе не должны ходить въ церкви, „а будетъ нужею въ церковь ту затащатъ, и ты молитву Іесусову воздыхая говори, а пѣнія ихъ не слушай, а на молебны тѣ хотя и давайте имъ, а молебны тѣ въ Москву рѣку сажайте... хотя и попа, врага Божія въ воду ту посадить, и ты не согрѣшишь...“ (2) Удаляя своихъ послѣдователей отъ всякаго общенія съ правосл. Церковію, расколоучители заповѣдуютъ заимствоваться всѣми таинствами у своихъ, даже простолюдиновъ: „въ правилахъ, говоритъ Аввакумъ, повелѣвается исповѣдаться искусному простолюдину паче, нежели невѣжѣ попу, паче же еретика, аще нужда привлечетъ, и причастится безъ попа можно своимъ компаніемъ, въ нынѣшнее огнепальное время со исповѣданіемъ и съ прощеніемъ другъ ко другу... предъ образомъ Владычнимъ вожди свѣчку, а на столцѣ устрой платъ и на немъ поставь сосудецъ съ виномъ и водою

(1) Посл. О. Авр. къ пѣк. богосл. у А. Б. стр. 85. 11. 29. стр. 51. Аввакумъ о Мельхиседекѣ стр. 11.

(2) А. Б. стр. 29.

и вложи часть Тѣла Христова; взявше оуміамъ и кадило, со Ісусовою молитвою покади образъ и святая и домъ весь... и поклонився на землю глаголи полное прощєніе... и Богъ тебя благословитъ, причаститися святаго сакрамента... и мірянинъ причащай робенка, Богъ благословитъ... (1) А исповѣдаться пошто итѣти къ Никоніанину? аще нужда и привлечетъ ты и ты съ нимъ въ церкви сказки сказывай, какъ лисица у крестьянина куры крада. Исповѣдайте другъ другу согрѣшенія по Апостолу“ (2). Такъ рѣшительно, не колеблясь опредѣляетъ Аввакумъ отношенія раскольниковъ къ Церкви, ни надъ чѣмъ не задумываясь и не усиливаясь доказывать своихъ положеній. Въ своемъ сердцѣ онъ оттолкнулся отъ правосл. іерархіи, и сильныя антипатіи не позволяютъ ему ни надъ чѣмъ задуматься и поколебаться.

Въ такомъ-то напряженномъ состояніи находились народныя умы, когда Петръ вступилъ въ управленіе государствомъ и началъ свою великую реформу. Расколъ еще болѣе развился и распространился по всей Россіи.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ РАСКОЛА ПРИ ПЕТРѢ I-МЪ.

Мы не имѣемъ полныхъ статистическихъ данныхъ для раскола этого времени, но какъ далеко распространился онъ къ концу царствованія Петра, это можно видѣть изъ того, что когда при передачѣ сборовъ съ раскольниковъ въ вѣденіе Сената, послѣдній просилъ Синодъ сообщить ему, сколько въ которой губерніи собиралось съ раскольниковъ денегъ, то Синодъ для собранія этихъ свѣдѣній велѣлъ послать указы во всѣ епар-

(1) А. Б. ч. II. стр. 18, 19.

(2) Тамъ же.

хи, кромѣ двухъ только: кievской и переяславской (1), въ которыхъ слѣдовательно, по крайней мѣрѣ официально (2), не было раскола. А какъ велико было по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ число раскольниковъ, видно изъ примѣра нижегородской епархіи: въ началѣ 18-го столѣтія въ трехъ нынѣшнихъ уѣздахъ ея считалось около 30,000 раскольниковъ, что составляетъ болѣе трети тогдашняго общаго населенія; въ 1719 г. считалось раскольниковъ въ предѣлахъ одной нижегородской губерніи 86,000 обоего пола, слѣдовательно при тогдашнемъ населеніи въ 302,696 на каждую 1000 человѣкъ приходилось 283 раскольника, — цифра огромная, но она на самомъ дѣлѣ была можетъ быть еще больше, если обратить вниманіе на то, что и тогда, не смотря на строгія мѣры, были священники, писавшіе въ отчетахъ раскольниковъ нераскольниками, какъ видно изъ наказа Птириму отъ 21 марта 1718 г. А нужно замѣтить, что нижегородская губернія не была главнымъ центромъ раскола; можно предполагать, какъ велико было число раскольниковъ въ обширномъ поморскомъ краѣ, въ черниговской губерніи и вообще на рубежахъ тогдашней Россіи (3).

(1) Собран. постан. по части раск. ч. I. Указъ 1726 г. 1 марта 168. 169 стр.

(2) Говоримъ официально, потому что еще Аввакумъ писалъ, что въ Кіевѣ сожгли Иларіона за расколъ. (Разск. изъ Ист. Ст. Макс. 89 стр.)

(3) Изъ доклада Синодскаго Петру отъ 19 ноября 1721 г. пунктъ 43 видно, что были даже цѣлые приходы, въ которыхъ никого, кромѣ раскольниковъ, не обрѣталось, а всѣ по запискѣ подъ двойнымъ окладомъ явствовались въ раскольщикахъ (П. С. З. т. VI № 3854. стр. 437). А по словамъ Феофана Прокоп. (въ пред. къ истор. оправданію— Н. и Лит. при Пек. ч. 2 № 339, стр. 613) «слѣпыя и глупыя вожди народа (Аввакумъ, Лазарь и др.) такъ многое число вѣрующихъ и вослѣдователей себѣ получили, что мѣста не обрящешь, гдѣ бы оныхъ лѣстцевъ не были наслѣдники и ученики ово тайные, овоже и явные».

Причинъ быстрого распространенія раскола во времена Петра I-го было слишкомъ много; всѣ недовольные новыми гражданскими порядками такъ или иначе группировались около раскола и, принимая отъ него въ большей или меньшей степени то или другое, вносили и въ него съ своей стороны новые элементы; все не кружившееся въ этомъ внезапномъ водоворотѣ петровской реформы примыкало къ прочно существовавшему уже осадку русской религіозной старины; поэтому подробное изслѣдованіе причинъ особеннаго усиленія раскола при Петрѣ I-мъ потребовало бы разбора всѣхъ событій его царствованія, тѣми или другими своими сторонами неприятно дѣйствовавшихъ на народъ. Не задавая себѣ такой широкой задачи, мы остановимся только на болѣе крупныхъ явленіяхъ и постараемся по возможности объяснить, какъ событія царствованія Петра I-го дѣйствовали на умы народа, объяснить тѣ внутренніе пути, которые вели отъ реформы гражданской къ церковному расколу.

Мы уже видѣли нѣкоторыя проявленія того чисто-обрядоваго направленія, изъ котораго вышелъ расколъ; въ основѣ его лежало узкое, внѣшнее пониманіе христіанства, немного видѣвшее за церковною обрядностію и потому, очень неудивительно, не находившее ничего святаго, христіанскаго у западныхъ христіанъ-иновѣрцевъ. Направленіе это положило свою печать на всѣ почти установившіеся обычаи частной и общественной жизни. Съ этими-то новыми частными явленіями старорусскаго направленія и пришлось Петру вступить въ борьбу при самомъ началѣ своей реформы. И тогда, когда преобразованія общественной и международной жизни начинались при болѣе спокойномъ состояніи умовъ,

они всегда встрѣчали сильную оппозицію во всѣхъ классахъ русскаго народа. Такъ было при Борисѣ Годуновѣ⁽¹⁾; такъ же было и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Вызовъ при немъ иностранцевъ въ русскую службу и введеніе нѣкоторыхъ новыхъ обычаевъ возбудили въ большинствѣ такой протестъ, что само правительство запретило стричь волосы и носить платье иностраннаго покроя, подъ опасеніемъ царскаго гнѣва и лишенія чиновъ⁽²⁾. Нечего и говорить о вопляхъ раскольниковъ противъ этихъ нововведеній. Расколуучители видѣли въ нихъ послѣднее отступленіе до явленія самаго антихриста. „Иного отступленія, говорилъ дьяконъ Федоръ, уже не будетъ вездѣ бо бысть послѣдняя русь; здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ царями неблагочестивыми.“ „О прелесте! восклицаетъ онъ же въ другомъ своемъ посланіи: скверные Поляки, Нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію великою почитаются... сплелись западные съ восточными.“ И такъ смотрѣли на иновѣрцевъ и ихъ обычаи не одни раскольники, а огромное большинство всѣхъ сословій народа. Высказывая свою послѣднюю волю, патріархъ Іоакимъ обращается съ такими словами къ молодымъ государямъ: „еще же да никако же они государи попустятъ кому христіаномъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками иновѣрцами, съ латины, лютеры и кальвины и злобными татарами... общенія въ содружествѣ творити, но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалятися да повелѣваютъ царскимъ своимъ указомъ. Отнюдь бы иновѣрцы, пришедъ

(1) Рус. Раск. стар. Шап. 98.

(2) П. С. З. т. 1. 607.

(3) А. Б. ч. II, 24.

здѣ въ царство благочестивое вѣрѣ своихъ не проповѣдывали и во укориизну о вѣрѣ не разговаривали бы ни съ кѣмъ и обычаевъ своихъ иностранныхъ и своихъ ересей на прелесть христіаномъ не вносили бы, и сіе бы имъ запретити подѣ казнию нагрѣпко и мольбищныхъ бы по прелестямъ ихъ сборищъ еретическихъ строити недавати. Мѣста всеконечно, которыя здѣ и есть близъ или между христіанскихъ домовъ, и тѣ раззорити годно и должно, яко діавольскія сонмища... еретики бо, яко лютеры, кальвины, латины не совѣтуютъ и не глаголютъ яже человѣческая, но новообрѣтная и чуждее истиннаго благочестія. Татарове же проклятыя злобожники суть, въ нихъ же никакого же добра обрѣтается.“ Смотря на иновѣрцевъ, какъ на враговъ Божиихъ и ругателей церковныхъ, а на собранія ихъ, какъ на дьявольскія сонмища, онъ увѣщаетъ не сообщаться съ иновѣрцами даже по дѣламъ житейскимъ и съ скорбію говоритъ: „обаче вѣрни люди мнози и честніи съ ними ядятъ нестыдящеса и небоятся грѣха. Уклоняющіижеся отъ заповѣди сея и завѣщанія отъ Церкви святыя презирающіи и творящіи сами себѣ законъ презорствомъ, како имутъ свободитися клятвы Псалмопѣвцемъ присновѣщающіися?..“ Въ припискѣ къ завѣщанію, написанной вѣроятно передъ самою уже смертію, патріархъ обращается еще съ мольбою къ государямъ: „наипаче же воспоминаю, еже бы иновѣрцамъ еретикомъ костеловъ римскихъ, кѣракъ нѣмецкихъ, татаромъ мечетовъ въ своемъ государствіи и обладаніи всеконечно недавати строити нигдѣ, новыхъ латинскихъ иностранныхъ обычаевъ и въ платіи премѣнъ по иноземскіи неводить, ибо тѣмъ благочестіе христіанскаго царства въ удобствѣ имать пространтися и вѣра въ Господа Бога возра-

стати день дне. Удаляюся же азъ царскаго синклита совѣтникомъ полатнымъ и правителемъ и которіи на по-
сольствахъ во иныхъ земляхъ и царствахъ бывали. Ка-
ко кое государство нравъ и обычаи имать, каковы во
одеждахъ и поступкахъ, тако держать, а иного не при-
емлють и въ своихъ владѣніяхъ иныхъ вѣръ людей ни-
каковыхъ не сподобляютъ, а еже не своя вѣры молит-
венныхъ храмовъ иноземцамъ никакоже попускають
сотворити, и въ которомъ еретическомъ царствѣ, коя
окрестъ насъ суть (яко въ немецкихъ), есть благо-
честивыя наша вѣры церковь Божія, гдѣ бы хри-
стіанамъ было прибѣжище? нигдѣже; а здѣ чего и не-
бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ ере-
тическихъ проклятыхъ соборищъ мольбищныя хра-
мины построили, въ которыхъ благочестивыхъ лю-
дей злобнѣ кленуть и лають и вѣру укоряють и свя-
тыя иконы попирають и христіанамъ намъ ругаются и
зовуть идолопоклонниками и злобожниками, и се нѣсть
добро, но всячески зло (1)!" Съ такимъ очень за-
мѣтнымъ негодованіемъ, возбужденнымъ вѣроятно нѣ-
которыми выходками иновѣрцевъ, относился къ нимъ и
всему иноземному патриархъ, жившій въ шумной Мо-
сквѣ и сталкивавшійся конечно въ своей жизни съ са-
мыми разнородными личностями. Какъ же могли и дол-
жны были смотрѣть на реформу Петра и относиться
къ ней люди необразованные, и какъ сильно она дол-
жна была встревожить ихъ! При такомъ изстари уста-
новившемся неблагоклонномъ взглядѣ на иновѣрцевъ,
при такомъ возбужденномъ, взволнованномъ настроеніи
умовъ, Петръ I-й начинаетъ свое сближеніе съ Запад-

(1) Сб. Соф. Библ. № 1476. 191 стр. на обор. а.

ною Европою; — принимаетъ множество иностранцевъ въ русскую службу, въ 1696 г. отправляетъ въ Западную Европу молодыхъ людей изъ знатныхъ семей, въ—97 г. самъ отправляется за границу, и проживши тамъ полтора года (9—марта — 97—25 Авг.—98 г.), привозитъ съ собою толпу иностранцевъ; въ 1700 г. снова принуждаетъ многихъ не только дворянъ, но и мѣщанъ отправить дѣтей своихъ за границу, посылаетъ указы иностраннымъ министрамъ склонять полезныхъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію; въ 1701 г. снова отправляетъ большое число дворянъ, въ 1702 вызываетъ большое число иностранцевъ въ русскую службу и т. д. (1), особенно приближаетъ къ себѣ ихъ, даетъ имъ выгоды и преимущества предъ русскими, предоставляетъ имъ различныя торговыя и фабричныя преимущества (2), въ 1702 г. предоставляетъ всѣмъ иностранцамъ полнѣйшую свободу вѣроисповѣданія (3), позволяетъ иностранцамъ, вступившимъ въ русскую службу, жениться безъ перемѣны ихъ вѣры на русскихъ (4), въ чемъ совершенно отказано было въ 1644 г. (5) и т. п. Такимъ образомъ Петръ вдругъ, одной силой своей власти, хотѣлъ уничтожить вѣками воспитанныя антипатіи набожныхъ русскихъ людей къ иновѣрцамъ и предоставилъ имъ такія права, которыхъ не имѣли иновѣрцы и въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы (6). Не трудно понять, какъ сильно все это должно

(1) См. П. С. З. Т. V, № 2997. 3038. 3067.

(2) П. С. З. Т. III № 1622. V, № 2730; потомъ XLII т. С. З. въ ст. привилегіи на пром. торг. на 611 стр.

(3) П. С. З. т. IV № 1910.

(4) П. С. З. т. VI № 3814. 3839.

(5) Н. и Лит. при Пек. т. II стр. 307.

(6) Извѣстно, что въ 1685 г. Луд. XIV уничтожилъ Навтскій едиктъ,—

было подѣйствовать на русскихъ людей. Переходъ былъ слишкомъ быстръ и рѣзокъ и естественно для огромнѣйшаго большинства русскихъ онъ не могъ совершиться безъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній. Принявши отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанствомъ нерасположеніе къ латинянамъ, которые усилили его потомъ до послѣдней степени своими часто враждебными отношеніями къ Россіи, могли ли русскіе люди вдругъ отрѣшиться отъ этихъ антипатій? Могли ли они безъ опасенія для вѣры спокойно смотрѣть на огромное число иновѣрцевъ, густой толпой окружившихъ государя, оказывавшаго имъ столько расположенія и вниманія, обрацавшагося съ ними запросто? Могли-ли они безъ величайшаго страха отпускать въ иновѣрныя земли своихъ молодыхъ, не окрѣвшихъ ни умственно, ни нравственно дѣтей? И съ такимъ страхомъ и опасеніями могли смотрѣть на это люди еще не взволнованные раскольническими толками... Но что сказать о состояніи этихъ больныхъ и умственно и нравственно людей, въ которыхъ глубоко залегли предсказанія первыхъ расколуучителей о послѣднемъ времени и скоромъ пришествіи самаго сына погибели? Приливъ иновѣрцевъ въ Россію представился ихъ больному воображенію осуществленіемъ ихъ мистическихъ страховъ, — дѣйствительнымъ переселеніемъ съ Запада Европы самаго антихриста, ожидать котораго именно съ Запада — изъ Рима

а) Фактъ также совершенно новый; при Алекс. Мих. предоставлено было право имѣть свое богослуженіе шведскимъ подданнымъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ (И. С. З. т. I, № 301 и 7), но какъ видно изъ завѣщанія патр. Іоакима, это вызвало сильные протесты, поэтому скорѣ дѣлается воспрещеніе строить иностранцамъ новыя церкви. (Тамъ же пар. 11).

научили раскольниковъ первые вожди раскола. Впрочемъ, независимо отъ этихъ предубѣжденій, много было еще другихъ обстоятельствъ, возбуждавшихъ въ русскихъ нерасположеніе къ иноземцамъ. И тогда, когда иноземцы являлись въ Россію не съ враждебными для нея намѣреніями, они всегда возбуждали нерасположеніе къ себѣ. Добра отъ нихъ народъ русскій видѣлъ немного; они являлись не съ цивилизаторскими стремленіями, а почти исключительно для пріобрѣтенія своихъ собственныхъ выгодъ и обогащенія чрезъ торговлю. Покровительствуя и лаская изъ своихъ государственныхъ расчетовъ иноземныхъ гостей, правительство для привлеченія ихъ въ Россію давало имъ различныя привилегіи, монополіи, бывшія новымъ источникомъ враждебныхъ столкновеній съ русскими, которыя иногда достигали открытыхъ нападеній со стороны русскихъ на нѣмецкія слободы (1). Наплывъ иноземцевъ въ Россію при Петрѣ I-мъ не могъ уничтожить установившихся враждебныхъ отношеній къ нимъ русскихъ. Они вызваны были для службы государству, выгоды котораго не совпадали съ благомъ народнымъ и выгодами различныхъ сословій; особенно непріязненно должны были отнестись къ иностранцамъ: русское дворянство, отодвинутое ими на второй планъ, и служилое сословіе стрѣльцовъ, замѣненныхъ новыми регулярными войсками, сформированными иностранными офицерами. Самое высшее

(1) Такъ было въ Новгородѣ при Алекс. Мих. во время извѣстнаго бунта и неоднократно въ Москвѣ. Такъ въ 1698 г. голландскіе гамбургскіе купцы жаловались государю, что у нихъ учало быть въ слободѣ... воровство большое, людей ихъ грабятъ и побиваютъ до смерти и изъ слободы де имъ въ городъ рано и изъ города поздо ѣздить страшно, такъ что имъ дали особую стражу (И. С. З. т. III. № 1622.)

благо, сообщеніемъ котораго образованные иностранцы могли бы расположить къ себѣ русскихъ, было конечно образованіе, но и изъ него на первый разъ выходило немного хорошаго. Изъ заграничныхъ и учрежденныхъ Петромъ въ Россіи школъ, въ которыхъ обучали исключительно съ цѣлію приготовить молодыхъ людей къ службѣ государственной (1), выходили хорошіе солдаты, моряки, чиновники, ремесленники, но стольже мало образованные, какъ и прежде, — изъ за границы пріѣзжали русскіе, учившіеся военному, особенно морскому дѣлу, съ такими же грубыми понятіями, какъ и прежде, съ тѣмъ иногда различіемъ, что они въ иностранныхъ земляхъ бросали многіе и добрые русскіе обычаи, замѣняя ихъ часто дурными нѣмецкими, — пріѣзжали съ нетвердыми религіозными вѣрованіями. Въ самой Москвѣ явились русскіе люди — „весьма лютеранская и кальвинская мудровавшіе и великіе хульники преданій св. отецъ,“ — русскіе просто увлеченные и непонимавшіе сознательно своихъ новыхъ вѣрованій, какъ видно изъ примѣра Димитрія Тверитинова (2). Опасностей совращенія для русскихъ было слыш-

(1) Такъ въ 1712 г. учреждена инженерная школа, въ которой учили цифири, геометріи и потомъ фортификаціи (П. С. З. т. IV № 2467 § 17); тому же самому, кромѣ послѣдней, учили дворянскихъ дѣтей приказнаго чина (т. V, № 2778); въ Морской Академіи учили Ариметикѣ, Геометріи, Навигации, Артиллеріи, Фортификаціи, Географіи (V, № 3276). Всѣхъ лучше были сформированы дух. семинаріумы (см. курсъ наукъ въ духовномъ реглам. П. С. З. IV, № 3718, § 10), но и въ нихъ введено было между прочимъ чтеніе воинскихъ исторій. (Тамъ же § 17), кромѣ того и духовныхъ дѣтей посылали первоначально (въ 1714—20 г.) въ Ариметическія школы для ученія цифири и геометріи (IV, № 4021).

(2) Онъ говорилъ: «нынѣ-де у насъ на Москвѣ, слава Богу, волюю всякому, кто какую вѣру себѣ избереть, такую и вѣруетъ», и на увѣ-

комъ много, потому что, какъ откровенно признавался Посошковъ въ письмѣ своемъ къ Стефану Яворскому, „толь мы просты, что не токмо кто ученый иновѣрецъ, но хотя бы самый послѣдній земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ спросилъ насъ и москвичъ, то незнаемъ какъ имъ отвѣдь дать, (1)“. „А иностранцы“, какъ это видно изъ примѣра Тверитинова и Лубкина съ его 20 послѣдователями (2), „стали во зло употреблять свое вліяніе на русскій народъ, стали даже колебать въ немъ древнее, коренное устройство церкви“ (3). Такимъ образомъ вредныхъ слѣдствій быстро наплыва иностранцевъ въ Россію оказалось много, а добра собственно русскій народъ получилъ отъ нихъ немного. Образованіе слишкомъ туго у насъ прививалось. Да и могло-ли быть иначе? Школы на иностранный манеръ, въ которыхъ обучали по руководствамъ, испещреннымъ безъ нужды множествомъ иностранныхъ словъ, исключительно съ цѣлію приготовить въ нихъ служака государству, не нашли себѣ сочувствія въ русскихъ, какъ видно изъ строгихъ мѣръ, которыми собирали дѣтей въ школы, и изъ многочисленныхъ побѣговъ изъ школъ учениковъ цѣлыми десятками. Да если бы образованіе, которое желалъ дать Петръ своему народу, и нашло въ послѣднемъ полное сочувствіе, оно все таки не могло при самомъ преобразователѣ глубоко проникнуть въ жизнь, потому что оно распространено было только на

щанія православныхъ отвѣтилъ: «тому-де я вѣрить не могу, развѣ-де изволь мнѣ написать и я де покажу учителю вѣмецкой школы, по-неже весьма о томъ умѣть противно отвѣщать».

(1) Рус. Достоп. изд. Общ. Ист. м. др. за 1815 г. ч. I.

(2) Ист. Р. Ц. Фил. II. V. 81 стр.

(3) Рус. раск. стр. 119 стр.

вышя и средня сословія. А между тѣмъ нетерпѣливый преобразователь какъ можно скорѣе хотѣлъ видѣть своихъ подданныхъ европейцами, — нѣмцами, голландцами. Онъ не хотѣлъ дожидаться того, когда начала новой жизни постепенно перейдутъ въ жизнь народа, привьются къ нему и сами по себѣ естественнымъ путемъ измѣнять и внѣшній видъ жизни народа, который самъ пойметъ непригодность старыхъ формъ жизни и по своимъ понятіямъ создастъ новыя. Онъ захотѣлъ по крайней мѣрѣ по внѣшности сдѣлать своихъ подданныхъ европейцами, силой навязать имъ внѣшнія формы европейской жизни въ то время, когда огромнѣйшее большинство всѣхъ сословія русскаго народа еще крѣпко жило старорусскими своими понятіями, вѣрованіями, взглядами, — захотѣлъ и естественно снова возбудилъ во многихъ сильную вражду къ себѣ. По одной-ли только безотчетной привязанности къ старинѣ или по сознанию, что насильственное привитіе внѣшнихъ формъ европейской жизни, при неизмѣнившемся въ большинствѣ строѣ внутренней жизни, неестественно, незаконно со стороны правительства и ведетъ къ многимъ гибельнымъ слѣдствіямъ, — какъ бы то ни было, только и между приближенными къ Петру лицами много было приверженцевъ старины, недовольныхъ имъ въ большей или меньшей степени. Открытаго выраженія негодованія на Петра въ людяхъ высшаго сословія, болѣе способныхъ примѣняться къ разнымъ обстоятельствамъ жизни, не видно; но изъ розыска по дѣлу Алексѣя Петровича открывается много людей изъ высшаго сословія, любившихъ старину, ненавидѣвшихъ великаго преобразователя и желавшихъ ему скорой смерти; нѣкоторымъ да-

же видѣлось во снѣ, что Государь скоро умереть ⁽¹⁾, — явились даже предсказанія въ этомъ родѣ ⁽²⁾. Еще больше вражды и ненависти тайной и явной возбудилъ къ себѣ Петръ I-й въ низшихъ сословіяхъ, какъ скоро дошло это дѣло до нихъ. Желая видѣть своихъ подданныхъ европейцами и замѣчая „омерзѣніе оказываемое къ иностранцамъ“ ⁽³⁾, Петръ рѣшился уничтожить нѣкоторые рускіе обычаи. Одни изъ нихъ относились къ жизни общественной, а другіе къ церковно-гражданской, — именно платье и бороды, лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и начало года съ сентября. Желая уничтожить внѣшніе знаки, отличающіе его подданныхъ отъ презираемыхъ ими иностранцевъ, онъ 4 генв. 1700 г. запретилъ всѣмъ дворянамъ, чиновнымъ, служилымъ и торговымъ людямъ носить русское платье и замѣнилъ его сначала венгерскими кафтанамъ ⁽⁴⁾, а потомъ чрезъ годъ указалъ всѣмъ, даже и крестьянамъ, пріѣзжающимъ для промысла въ Москву, носить верхнее платье саксонское и французское, а нижнее нѣмецкое, запретилъ ѣздить въ русскихъ сѣдлахъ и подѣ „жестокимъ наказаніемъ“ — торговать русскимъ платьемъ, обложилъ виновныхъ значительными пенями (40 к. съ пѣшаго и 2 р. съ коннаго) ⁽⁵⁾. А наконецъ въ 1707 г. для предовращенія всякихъ уклоненій отъ нѣмецкаго образца указалъ клеймить нѣмецкое платье ⁽⁶⁾. Естественно, что такіа насильственныя перемѣны, ще-

⁽¹⁾ Ист. Царств. П. В. VI стр. 165, также Н. и Лит. Пек. II, № 383 стр. 421.

⁽²⁾ Тамъ же стр. 166.

⁽³⁾ Дѣян. П. В. т. I. 355.

⁽⁴⁾ П. С. З. IV № 1741.

⁽⁵⁾ Тамъ же № 1787.

⁽⁶⁾ Тамъ же № 2175.

котливыя и для народнаго самолюбія и кармана русскихъ, произвели въ нихъ „великое роптаніе“. Многимъ даже представилось измѣненіе одежды, въ которой ходили благочестивые предки, „отступленіемъ отъ ихъ вѣры и закона“ (1). Еще больше ропота и негодованія возбуждало въ народѣ и даже въ лицахъ изъ высшаго сословія запрещеніе носить бороды. Какъ высоко смотрѣли современники Петра I-го на это естественное украшеніе лица, видно изъ двухъ окружныхъ посланій патріарха Адріана. „Брадобритіе, говорится въ нихъ, есть злый, еретическій обычай, безчестіе и грѣхъ смертный, котораго ни въ какомъ случаѣ „не подобаеъ православному христіанамъ творити“, это значитъ „Божію заповѣданію противитися“. Брили бороды одни только еретики (Юліанъ отступникъ, Ираклій, послѣ того какъ впалъ въ моноелитство, обличенный за это отъ Бога и наказанный мучительною смертію, Константинъ Копромимъ), язычники и турки. Всѣ святые благочестивые цари и русскіе князья „имяху брады и ни единъ же ихъ брѣше или подстризаше, но вси богоукрашенніи мужіе храняху богодарованную имъ красоту цѣлу“. Кто брѣеъ бороду, тотъ уклоняется въ ересь, присоединяется къ еретикамъ и злодѣямъ... Православному христіанамъ заповѣдуется въ посланіяхъ „отнюдь не принимать еретическаго и злодѣйскаго сего знаменія“, гнушаться его, какъ „нѣкія мерзости, зане брадобритцамъ не подобаеъ благословеніе священническое подавать, подобаеъ входъ церковный возбраняти и св. таинъ причащенія лишати и сообщенія православному

(1) Дѣян. П. В. I. 356, 357.

(2) Дѣян. П. В. I. 356, 7.35

христіанамъ отлучати⁴. А если кто умреть, „не преставъ отъ злообычая сего,“ то какъ такой можетъ удостоиться и погребенія по чину правосл. церкви, или „въ молитвахъ церковныхъ поминовенія?“ Легко послѣ этого представить, какъ долженъ былъ подѣйствовать на всѣхъ русскихъ людей указъ (1705 г. 16 янв.) Петра, повелѣвавшій всѣмъ служилымъ, дворовымъ и городовымъ людямъ и гостямъ, и гостиной сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ брить бороды и усы подѣ угрозой штрафа въ 60 и 100 р. съ человѣка и по двѣ деньги съ крестьянъ по вся дни, какъ ни пойдутъ въ городъ и за городъ“ (1). „Неможно никому изобразить, замѣчается въ житіи Петра В., того великаго смущенія, каковое произвелъ въ сердцахъ россиянъ такой его величества указъ! Многіе то поставляли, якобы за превеликій грѣхъ до нарушенія ихъ благочестія касающійся... Многіе изъ свѣтскихъ бороды обрили въ послушаніе государеву указу, однако они якобы многоцѣнное сокровище, тѣ свои бороды въ храненіи у себя имѣли, для положенія оныхъ купно съ тѣломъ во гробъ по своей смерти, чая, что будто бы безъ бородъ въ царство небесное не примутся (2)“. Нашлись даже люди готовые скорѣе лишиться своихъ головъ, чѣмъ бородъ. „Велятъ намъ бороды брить, говорили они св. Димитрію, а мы готовы главы наши за брады наши положить, уне намъ есть да отсѣкутъ наши главы, неже да брѣются брады наши (3)“. Вслѣдствіе такого упор-

(1) П. С. З. IV № 2015.

(2) Жит. П. В. собр. Катиф. изъ разныхъ кн. перев. Писаревъ стр. 138.

(3) См. соч. св. Дим. Рост. объ образѣ и подобіи Божіи въ чловѣкѣ, — или въ Н. и Лит. Пек. II. 158 стр.

наго отставанія многими русскими людьми своихъ бородъ въ 1714 году былъ новый чрезвычайно строгій указъ, подвергавшій жестокому наказанію, каторгѣ и конфискаціи движимаго и недвижимаго имѣнія тѣхъ, которые будутъ торговать русскимъ какимъ платьемъ и сапогами и носить русское платье и бороды (¹). Затѣмъ бородачамъ даже и платившимъ штрафъ приказано было носить особое платье, и кто изъ нихъ являлся въ какой либо судъ въ неуказномъ платьѣ, запрещено было принимать отъ нихъ челобитныя (²). Само собой понятно, какъ всѣ эти строгія мѣры должны были еще болѣе усилить фанатизмъ въ приверженцахъ старины.

Было еще одно не менѣе сильное столкновение Петра съ народными понятіями — это по случаю лѣтосчисленія и начала новаго года. Возвратившись изъ перваго путешествія по Европѣ и желая какъ можно болѣе сдѣлать свое государство похожимъ на европейское, Петръ рѣшилъ уничтожить различіе съ западными европейцами въ лѣтосчисленіи и началъ новаго года. Въ декабрь 1699 г. опубликованъ былъ указъ, возвѣстившій вездѣ торжественно встрѣчать новый годъ и начало столѣтія съ 1-го января. Зная предрасудки народа, „всякую перемену обрядовъ относившаго на счетъ такъ сказать вѣры, каковою казалась имъ и сія (³), государь хотѣлъ занять московскій народъ различными церемоніями, иллюминаціей, фейерверками и т. п. На-

(¹) П. С. З. V, № 2874.

(²) VI, № 3944. Указъ о взысканіи штрафа подтверждается нѣсколько разъ при Петрѣ; сборы съ бородачей, какъ видно, такъ были значительны, что въ 1724 году учреждена была при сенатѣ особая коптора для этихъ сборовъ.—VII. № 4596.

(³) Слова Голик. Дѣян. II. В. II т. 1 стр.

родъ дивился „толь новымъ и невоображаемымъ зрѣлищамъ“, замѣчаетъ Голиковъ, но „съ окончаніемъ оныхъ возобновились паки за сію перемѣну года не только отъ простаго народа, но и отъ многихъ благородныхъ, занятыхъ подобно черни предубѣжденіями, роптанія, которые удивлялись, какъ могъ государь перемѣнить солнечное теченіе и вѣруя, что Богъ сотворилъ свѣтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, остались при своемъ старомъ мнѣніи (1)“.

Такъ отражались въ народныхъ умахъ первоначальныя преобразованія Петра, такъ они несогласны были съ указаннымъ нами выше направленіемъ религіозной жизни, бывшей тогда цѣльною жизнію народа, и съ освѣщенными этимъ направленіемъ національными антипатіями и обычаями. Отмѣненіе послѣднихъ въ понятіяхъ огромнѣйшаго большинства представлялось измѣненіемъ самой вѣры православной, — опасностью для самой ея чистоты. Строгія мѣры Петра, доходившія до крайности, еще болѣе поражали народные умы и дѣлали столкновенія новыхъ и старыхъ понятій и вѣрованій еще круче, настойчивѣе. Понятно, какъ вождамъ раскола легко было при этомъ въ глазахъ недоувѣрчивыхъ къ новому порядку вещей заподозрить чистоту вѣры самихъ іерарховъ русской церкви, выставить ихъ въ черномъ свѣтѣ; а отсюда переходъ въ расколъ былъ болѣе, чѣмъ близокъ. И такъ дѣйствовали первоначальныя преобразованія Петра на умы набожныхъ русскихъ людей еще не зараженныхъ расколомъ. А до какихъ экстазовъ естественно должно было дойти это раздраженіе у раскольниковъ при существовавшемъ уже

(1) Дѣян. П. В. т. II, стр. 3—7.

у нихъ мрачномъ и фантастическомъ настроеніи, при внушенныхъ имъ расколоучителями ожиданіяхъ пришествія самаго антихриста, по видимому подтверждавшихъся и самымъ дѣломъ, какъ сильно должны были подѣйствовать указанные преобразованія на ихъ и безъ того уже больныя и тревожныя сердца и какими мрачными красками вслѣдствіе ихъ только однихъ должна была обрисоваться личность Петра 1-го въ омраченномъ уже сознаніи раскольниковъ.

У раскольниковъ въ это время уже прочно существовала мысль о послѣднемъ времени. Страдальческая кончина патріарха Никона не поколебала и не уничтожила этой мысли. Въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей всего чаще Никонъ представляется только „предтечей изглаждающимъ путь антихристу, который скоро будетъ“, говоритъ Аввакумъ, „Вездѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ царьми неблагочестивыми“, говорилъ дьяконъ Ѳеодоръ. И вотъ начавшіяся преобразованія Петра какъ будто нарочно служили подтвержденіемъ, исполненіемъ мнимыхъ предсказаній первыхъ расколоучителей. Раскольники естественно увидѣли въ Государѣ преобразователѣ этого давно ожидаемаго ими антихриста. Всѣ его великія дѣла, измѣненныя и переименованныя народною объ нихъ молвою, давали новую пищу ихъ фанатизму, представлялись для ихъ разстроенныхъ умовъ совершенно въ новомъ свѣтѣ. „Нынче, говорили раскольники въ керженскихъ лѣсахъ, былъ у насъ съ Починокъ человекъ, былъ въ Питербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ человекъ съ двѣсти и, поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Эко стало нынѣ христіа-

намъ ругательство. Да что? полно говорить“. Но къ тому, что волновало раскольниковъ, приводили и многихъ, досель остававшихся сынами православной церкви, совершавшіяся предъ ними событія.

Конецъ 17 и начало 18-го столѣтія были тяжелымъ, даже мрачнымъ временемъ для русскаго народа. Наплывъ, по волѣ Государя, иностранцевъ въ Россію, брадобритіе, ношеніе нѣмецкаго платья, перемѣна въ дѣтосчисленіи и началъ года искренно представлялись, какъ мы видѣли, многимъ простодушно набожнымъ русскимъ людямъ отступленіемъ отъ вѣры и закона.—Голодъ, неоднократно случавшійся въ тоже время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, страшныя казни стрѣльцовъ въ Москвѣ и Астрахани, постоянные ужасы тайной канцеляріи, фискалы, страшное „слово и дѣло“ и т. п.— все это еще болѣе раздражало умы, заставляя ихъ постоянно оставаться въ напряженномъ мрачномъ настроеніи,—время самое благопріятное для мыслей о близкомъ концѣ міра, въ которыхъ напуганные и мечтательныя умы стараются найти объясненіе, причину тревожащихъ ихъ событій и тяжелаго положенія. Легко угадать, на комъ сосредоточатся эти мрачно-мистическія думы. Чувство нерасположенія къ Петру Великому было сильно. Оно доходило до самой ожесточенной ненависти не только въ стрѣльцахъ, но и въ нѣкоторыхъ изъ дворянства и частію низшаго духовенства, дѣйствовавшихъ и казненныхъ вмѣстѣ съ стрѣльцами. Въ послѣдствіи времени это же сильнѣйшее нерасположеніе къ великому преобразователю, желавшее и предсказывавшее, какъ мы видѣли, ему смерть, сгруппировало около Алексѣя Петровича симпатіи огромной массы людей не только изъ престолярды, на которое онъ такъ много надѣялся,

но и изъ высшаго дворянства и духовенства. А чувство народной бѣдственности было также обще и еще болѣе сильно; о тяжести народной говорили даже придворные (1). А это суть два главнѣйшіе внутренніе элемента, главнѣйшіе внутренніе мотивы, изъ которыхъ всегда слагалась въ тяжелыя времена народной жизни, которыми живетъ и сильна мысль о послѣднемъ времени и объ антихриствѣ. И точно также, какъ ненависть первыхъ расколоучителей къ патриарху Никону указала имъ въ немъ предтечу антихриста, точно также и теперь сильное чувство нерасположенія къ Петру, усиливается во многихъ не менѣе сильными чувствами тяжести своего положенія, приводило нѣкоторыхъ къ страшно-мистическому взгляду на него и указывало въ великомъ государѣ антихриста. Такова, по нашему мнѣнію, внутренняя причина того явленія, что въ началѣ 18-го стол. возникаютъ съ новою силою толки объ антихриствѣ, облетаютъ всѣ концы Россіи, находятъ во многихъ — нераскольникахъ — полное сочувствіе себѣ и дѣлаются новой причиной волненій и возвращеній въ расколъ.

Первымъ жаркимъ и открытымъ проповѣдникомъ о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра Вел. былъ бѣднѣйшій московскій книгописецъ—Григорій Талицкій. По мнѣнію однихъ это былъ очень умный человекъ; объ немъ, говорятъ, какъ человекъ великаго ума, вспоминалъ царевичъ Алексѣй (2), а въ 1750 г. о немъ требовала свѣдѣнія императрица Елисавета. А по мнѣнію Арсенія Мацѣевича, которое онъ выдаетъ за всѣмъ

(1) Ист. цар. Петра В. Устр. VI, стр.

(2) Наука и Лит. Пек. т. II, стр. 81, 82.

известное, — Талицкій былъ „бѣшеный мужикъ, который кромѣ русской грамоты и своего безумнаго умствованія, ничего больше не зналъ“ (1). Последний взглядъ на Талицкаго, очевидно, происходилъ изъ отъращения къ нему какъ врагу Божию и Государеву, (какъ называетъ его Мацѣвичъ). По всей вѣроятности это былъ только человекъ живой, впечатлительный, съ твердымъ и открытымъ характеромъ, большой наче- чикъ — по самому ремеслу своему — въ старорусской ли- тературѣ, проникнутый по этому естественно старорус- скими по преимуществу церковными взглядами на всѣ событія, человекъ наконецъ знакомый и со всѣми на- родными легендами и преданіями. Что непосредственно навело его на мысль о Петрѣ В., какъ антихристѣ, какъ развивалась въ немъ эта мысль, нельзя указать при бѣд- ности матеріаловъ. Только слова Талицкаго, сказанныя одному священнику: „какой-де онъ царь — самъ мучить“, указываютъ на то, что этотъ мрачный взглядъ на Го- сударя сложился подъ влияніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, какое произвели на него казни стрѣльцовъ и всѣхъ дѣй- ствовавшихъ вмѣстѣ съ ними, — впечатлѣній, которыя тѣмъ сильнѣе естественно могли овладѣвать имъ, что его собственное бѣдное и безотрадное положеніе не могло ослабить и разсвѣтать ихъ и само скорѣе еще накладывало новую тѣнь на его тяжелыя думы. Какъ бы то ни было, мысль о пришествіи антихриста въ ли- цѣ Государя глубоко западала ему въ душу и совершен- но овладѣла имъ. При всей скудости своихъ матеріаль- ныхъ средствъ онъ оставилъ на время свои занятія,

(1) Тамъ же №67.

которыми снискивалъ себѣ пропитаніе⁽¹⁾, чтобы на свободѣ заняться своими неотвязными думами. Не останавливаясь на своихъ безотчетныхъ впечатлѣніяхъ и стараясь утвердить ихъ на прочныхъ основаніяхъ, Талицкій обратился къ бытѣйскимъ и пророческимъ книгамъ и въ нихъ нашель, нужно думать, полное подтвержденіе своихъ мыслей о Петрѣ 1-мъ, какъ антихристѣ, которыя и изложилъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: „О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта“ и „Врата“. Сочиненія эти и подлинное дѣло о Талицкомъ давно уже утрачены, а потому мы не можемъ составить себѣ опредѣленнаго и яснаго понятія о томъ, какъ развивалъ Талицкій свою теорію и какія, въ подтвержденіе ея, приводилъ доказательства изъ пророческихъ и изъ современныхъ ему событій. Все, что можно извлечь изъ напечатанной г. Есиповымъ справки о Талицкомъ, составленной въ 1750 г. для Императрицы Елисаветы, состоитъ въ слѣдующемъ: „нынѣ время послѣднее и антихристъ пришелъ“. И вотъ доказательства, которыя приводилъ Талицкій въ подтвержденіе своей мысли: „въ апокалиписѣ—17 гл. Іоанна Богослова написано:—антихристъ будетъ осмой царь, а по нашему счету осмой царь онъ государь, да и лѣта сошлись, у меня де тому есть выписка и въ тетратехъ“. Нѣтъ возможности понять, какъ Талицкій сдумѣлъ приложить 10-й ст. 17 главы Апокалиписиса къ русской исторіи, какъ у него Петръ I-й вышелъ осмымъ царемъ, и какъ на то же самое сошлись у него и лѣта. Г. Щаповъ дѣлаетъ

(1) Хочетъ-де онъ писать книгу о послѣднемъ вѣцѣ, да печѣмъ пишется, потому что скудець. Раск. дѣла 18 ст. в. 1 см. ст. о Талицкомъ.

очень остроумную догадку, что Талицкій „началъ свой счетъ московскихъ царей съ тѣхъ страницъ областныхъ лѣтописей, гдѣ изображается трагическая, кровавая борьба областей съ Москвою. На этихъ (страницахъ) областные лѣтописцы, говоритъ г. Шаповъ, смотрятъ на московскихъ царей—завоевателей—какъ на предтечу антихриста, котораго Псковская лѣтопись называетъ осьмымъ царемъ (1). Но если Талицкій дѣйствительно и началъ свой счетъ Московскихъ царей съ Иоанна III и съ сына его Василья Иоанновича, который первый повелѣлъ и писать себя самодержцемъ, какъ полагаетъ г. Шаповъ (2), то все таки Петръ I выходитъ не осьмымъ, а десятымъ царемъ съ Иоанна III и девятымъ съ Вас. Иоанн., если пропускать даже самозванца и Ѳедора Борисовича. Какъ сходились у Талицкаго и лѣта въ подтвержденіе главной его мысли о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра, понять сколько нибудь столь же трудно. Какъ видно изъ сочиненія Стефана Яворскаго о знаменіяхъ пришествія антихристова, нѣкій со-противникъ—по всей вѣроятности Талицкій, изчислялъ лѣта пришествія антихриста „отъ различныхъ образовъ, ово отъ семидесяти и семи родовъ Христовыхъ, яко же чтется у Луки святаго, ово отъ семи хлѣбовъ евангельскихъ, ово отъ семи кошницъ и прочая. Тоже отъ писменъ, яже въ вѣнцѣ Христовѣ: ѿ о н и отъ титлы Иисусовы, яже на крестѣ: І. Н. Ц. І. Дерзпе же окаян-ный и имени Иисусову, о немъ же всяко колѣно преклоняется, суесловіемъ своимъ коснуться, глаголя: яко сіе пресвятое имя Іс. являетъ (210) надъ тысящу ис-

(1) См. Земство и расколы.

(2) Тамъ же. Отд. вып. стр. 68, 69.

полнившихся“, т. е. седмичное число различных предметов, о которых говорится въ кн. сваяц. Писанія, показывало у Талицкаго, что пришествіе антихриста будетъ чрезъ 7000 лѣтъ, и первая двѣ буквы имени Христова по раскольническому чтенію прибавляли къ этому еще 210 лѣтъ и такимъ образомъ у Талицкаго выходило, что антихристъ долженъ придти въ 1702 году. Какимъ образомъ всѣ эти, слишкомъ очевидно произвольныя, натянутыя и при всемъ томъ прямо даже противорѣчившія году воцаренія Петра толкованія могли убѣдить Талицкаго въ справедливости его мысли о пришествіи антихриста, совершенно нельзя понять, но тѣмъ не менѣе они привели его къ самому твердому убѣжденію, и онъ началъ распространять свои мысли со всею неопасливою ревностію фанатига: убѣждаетъ епископа тамбовскаго Игнатія возвѣстить объ его ученіи святѣйшему патріарху, „чтобъ про то и въ народѣ было вѣдомо“, самъ хочетъ отправиться къ суздальскому митрополиту, распространяетъ свои сочиненія между своими друзьями и знакомыми и всюду встрѣчаетъ сочувствіе себѣ. Кромѣ нѣсколькихъ посадскихъ, его ученіе, хотя безъ всякаго фанатизма, принимаютъ нѣкоторые московскіе священники, отчасти одинъ изъ князей Хованскихъ—незнавшій что ему дѣлать, если выбрѣютъ у него бороду и очень раскаявавшійся въ томъ, что потерялъ вѣнецъ (мученическій), который давалъ ему Богъ,—и епископъ тамбовскій Игнатій, плакавшій при чтеніи тетрадокъ Талицкаго и пѣловавшій ихъ. Доносъ на Талицкаго прекратилъ его проповѣди. Мученія пытокъ заставили его выдать лицъ, съ которыми онъ говорилъ о послѣднемъ времени; но никакія пытки и увѣщанія не могли поколебать его убѣжденій. „На преніи,

скажемъ словами автора возраженій на Камень вѣры, — Яворскому Талицкій ни мало не уступалъ, но ругатель-но пророкомъ вааловымъ называлъ; и умеръ этотъ врагъ Божій и государевъ безъ раскаянія, ожесточень, по суду Божию и монаршему, тѣломъ и душею погиблъ. И хотя и довольно имѣлъ онъ и отъ преосвященнаго Стефана увѣщаніе и обличеніе, однако за упрямствомъ своимъ склонности къ раскаянію не показалъ“. Невыносимыя страданія смертной казни копченіемъ, на которую осужденъ былъ Талицкій вмѣстѣ съ однимъ изъ самыхъ жаркихъ своихъ послѣдователей, на время, можетъ быть, заставили его отказаться отъ своего ученія, но это измѣнило только родъ казни. Талицкій (по свидѣтельству Есипова, которое онъ основываетъ на показаніяхъ раскольниковъ) былъ сожженъ. Но вмѣстѣ съ нимъ не умерло его ученіе. Уцѣлѣли ли нѣкоторые экземпляры его сочиненій и ходили потомъ въ спискахъ по рукамъ между людьми, принадлежавшими къ партіи враждебной Петру, какъ думаетъ г. Есиповъ, или нашлись новыя странныя личности, на которыхъ современные событія производили такое же дѣйствіе, какъ и на Талицкаго, какъ бы то ни было, только мысль о явленіи антихриста въ лицѣ великаго государя не переставала волновать мечтательные и раздраженные умы какъ въ теченіе всего его царствованія, такъ и послѣ этого. Сочиненіе Стефана Яворскаго — „Знаменія антихристова пришествія и кончины“, — напечатанное имъ, по распоряженію государя, въ 1703 г. съ тою цѣлію, дабы „правовѣрному народу явѣ извѣстити, яко не у приде въ міръ истинный антихристъ, иже пріити имать при кончинѣ міра“, при всей основательности доводовъ въ подтвержденіе этой истины не могло раз-

святъ народныхъ толковъ, потому что, естественно, не могло потрясти, уничтожить въ народѣ тѣхъ внутреннихъ основъ, которыя развились въ немъ и которыми единственно сильно и живуче ученіе о послѣднемъ времени, — основанія для прочнаго существованія котораго признаетъ и самъ Стефанъ Яворскій, называя свои времена „лютыми, самыми бѣдственными. Онъ говоритъ только, что „отъ лютости нынѣшнихъ временъ нѣсть мощно познати пришествіе истиннаго антихриста, — „вся бо сія скорби и тѣсноты, яже нынѣ видимъ, яко же суть глади, огни, брани, кровопролитія, наводненія, сухости, безплодствія земли, ненависти между лжебратією, гоненія, междусобныя брани, вся сія и симъ подобная бяху и прежде“. Сочиненіе Стефана Яворскаго ниспровергало мистическіе толки въ однихъ только теоретическихъ ихъ основаніяхъ, а слабость ихъ съ этой стороны и тогда уже понимали нѣкоторые раскольники (1), продолжавшіе, не смотря на то, съ жаромъ проповѣдывать народу о пришествіи антихриста. Не смотря на строгое запрещеніе въ 1702 году монахамъ держать въ своихъ кельяхъ чернила и бумагу, особенныя распоряженія о „словѣ и дѣлѣ государевѣ“ (2), — обѣщаніе наградъ тѣмъ, которые словятъ и представляютъ распорядителей подметныхъ писемъ и т. п. (3), эти

(1) Вотъ, напр., что возражалъ Керженскій расколоучитель Кузьма Андреевъ на обвиненіе его въ томъ, что онъ называлъ государя антихристомъ: «говоритъ ему Кузьмѣ про великаго Государя такихъ непристойныхъ словъ невозможно для того, что въ божественномъ-де писаніи объ антихристѣ пишутъ подлинно: царство его антихристово будетъ семь лѣтъ и по обличенію пророческому разорится, а онъ великій государь царствуетъ больше двадцати лѣтъ». Раск. дѣла т. I. 897 стр.

(2) П. С. З. т. IV № 1918, 2029.

(3) Тамъ же № 2189.

подметныя письма, „въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольническихъ вымысленій“, являлись въ такомъ количествѣ, что въ 1715 г. 25 янв. приказано было не доносить о нихъ правительству, а не читая и не перепечатывая жечь ихъ на томъ мѣстѣ, на которомъ будутъ подняты (1). И эти памфлеты съ раскольническими и воровскими вымысленіями появлялись не въ одной Москвѣ; въ 1707 г. въ Новгородѣ въ народѣ ходили тетрадки о рожденіи антихриста. Такихъ тетрадокъ немало существовало и въ другихъ мѣстахъ, какъ видно изъ разсказа г. Есипова о Кузьмѣ Андреевѣ. „Краткій отвѣтъ на подметныя письма о рожденіи антихриста сими временами“ Іова митрополита Новгородскаго не разсѣялъ народныхъ толковъ. Они продолжали волновать умы народа и заронять въ простодушно-набожныя сердца нѣкоторыхъ различныя сомнѣнія и мрачныя думы о томъ времени, которыя не давали имъ покоя. Такъ говорится въ одномъ рукописномъ сборникѣ: „приде (въ Новгородѣ) нѣкій человѣкъ“, имѣвшій всѣ изданныя противъ раскольниковъ сочиненія, „ради вопросовъ о пришествіи послѣдняго антихриста“ (2).

Толки разносились всюду. Какъ быстро и твердо они могли западать въ души тогдашнихъ людей, видно нѣсколько изъ примѣра духовника князя Меньшикова, попа Лебедки. Встрѣтился онъ нечаянно на базарѣ съ прежнимъ своимъ духовнымъ сыномъ, сдѣлавшимся потомъ раскольниковъ, потолковалъ съ нимъ и горячо принялъ его ученіе о пришедшемъ на землю антихри-

(1) П. С. З. т. V, № 2877.

(2) Науки и лит. Пек. т. II стр. 160.

ствѣ въ лицѣ Петра (1). Такъ быстро совершался тогда обмѣнъ понятій, потому что слишкомъ подготовлена была для этого почва. Но особенно эти мрачно-мистическіе толки усилились въ послѣднихъ годахъ втораго десятилѣтія 18 столѣтія. Это было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для народа временъ царствованія Петра Великаго; это было время собранія со всего государства людей и денегъ на ладожскія работы, время разѣздовъ военной комиссіи по всему государству для общей переписи, время многочисленныхъ арестовъ, пытокъ и казней по дѣлу прежней супруги государя Евдокіи Теодоровны Лопухиной и особенно по дѣлу Алексѣя Петровича (2). Всюду разнеслась молва объ этихъ событіяхъ, дававшая новую пищу и подтвержденіе мистическимъ толкамъ о государѣ. „Государь царевича запыталъ, говорили солдаты, и въ хомутѣ онъ умеръ за то, что онъ, царевичъ, богоискательный человекъ и не любилъ нѣмецкой политики“. Выводъ отсюда ясенъ. „Подобное ли дѣло, если бы онъ прямой царь былъ, что онъ сына своего убилъ и царицу постригъ? а эту царицу держать только подъ видомъ, а съ нею не живетъ.“ Самыя мелочныя событія быстро разносились въ народѣ, перетолковывались и волновали умы. Собраны были западно-европейскіе образцы и пробы монеты и приве-

(1) Раск. дѣла т. I. 13 стр.

(2) Какъ тяжело дѣйствовали эти событія на людей того времени, видно изъ примѣра Докукина, старика подьячаго, который «за неповиное изгнаніе и отлученіе всероссійскаго престола Алексѣя Петровича» самъ вызвался страдать, самъ явился во время самаго сильнаго разгара царскаго гнѣва къ Петру (напередъ зная, что за это ему будетъ) и объявилъ о своемъ нежеланіи присягать новому наследнику престола (Раск. дѣла 1 стр. Докукинъ).

зецы (1) въ Петербургъ и вотъ шли какіе толки въ народѣ: „привезены изъ-за моря клеймы на корабляхъ и кого запечатають, тому и хлѣба дадутъ“. Всѣ эти толки еще болѣе усиливали мысль о Петрѣ, какъ антихристъ; она начала серьезно беспокоить многихъ. „Незнаю, что и дѣлать, говорилъ солдатъ Растригинъ, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь; онъ антихристъ“. „Петръ антихристъ, и когда дѣвочку выдамъ, то, покинувъ и попадю, пойду въ монастырь“, говорилъ попъ Лебедка. На ту же тему шли иногда тайныя бесѣды въ монашескихъ кельяхъ. Но самымъ жаркимъ и фанатическимъ „до умопомѣшательства“ послѣдователемъ и проповѣдникомъ этихъ толковъ былъ капитанъ Левинъ — натура въ высшей степени впечатлительная, съ пылкимъ воображеніемъ. Имъ совершенно завладѣли эти толки и довели его „до экзальтаціи и энтузіазма“. Мы не будемъ повторять интересной его біографіи, обстоятельно рассказанной г. Есиповымъ. Замѣчательно въ ней особенно то, что съ кѣмъ ни встрѣчался Левинъ въ своей служебной дѣятельности, вездѣ почти встрѣчалъ или тѣже самыя мысли или сочувствіе имъ. Такъ много было тогда людей — и не раскольниковъ, вѣрившихъ отъ всей души, что Петръ Алексѣевичъ не прямой государь...

Конечно, всѣ эти толки не вели еще прямо къ отпаденію отъ Церкви православной и принятію ихъ тѣмъ

(1) По этимъ образцамъ, собраннымъ иноземцемъ Лангомъ, измѣнено было чеканеніе звонкой монеты въ 1718 г. (П. С. З. V, 3148), въ слѣдующемъ году посланъ въ Москву указъ о томъ, чтобы денежные дворы неотмѣнно переведены были въ Петербургъ въ 1720 г. (—V. 3324).

или другимъ лицомъ не означало еще необходимой принадлежности его и къ церковному расколу, какъ это мы дѣйствительно и видимъ изъ примѣровъ Талицкаго, Левина, Докукина и другихъ, особенно лицъ духовныхъ, замѣшанныхъ въ дѣлахъ ихъ (1). Всѣ они искренно и фанатически были убѣждены, что настало послѣднее время, но во всѣхъ документахъ, сообщенныхъ о нихъ г. Есиповымъ, нѣтъ никакихъ прямыхъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ ихъ расколъ; напротивъ, въ нихъ есть множество очень ясныхъ намековъ, показывающихъ, что у нихъ мысль о послѣднемъ времени не была развита до тѣхъ крайностей, до которыхъ она дошла у безпоповцевъ. Это — въ отношеніи къ Талицкому — видно изъ того, что у него былъ духовный отецъ Варлаамьевской церкви попъ Лука, къ которому онъ ходилъ на исповѣдь, — видно изъ того до вѣрія, какое онъ ошибочно возлагалъ на патріарха и суздальскаго митрополита, надѣясь чрезъ нихъ распространить въ народѣ свое ученіе, — изъ намѣренія его идти въ монастырь, а не въ скитъ раскольнической, и изъ самой цѣли его подметныхъ писемъ, — она состояла не въ томъ, чтобы распространять въ народѣ расколъ, а въ томъ, чтобы возмутить народъ противъ государя, убѣдить его не слушать государя, не платить ему податей и избрать царемъ князя Михаила Черкаскаго. Съ такимъ же граждански-оппозиціоннымъ характеромъ представляется Талицкій и въ указѣ. Еще болѣе видно

(1) Послѣднихъ — замѣтимъ — и судили и казнили, какъ видно изъ приговоровъ, не за ученіе ихъ, а за то, что напр. они бывшіе попы: Лука, Авдюшка и Гришка про то его Гришкино воровство и бунтъ отъ него неизвѣстили.

это на Левинѣ. Въ то время, когда сильно уже тревожить его совѣсть мысль объ антихристѣ и онъ подъ вліяніемъ ея рѣшается бросить военную службу, онъ приходитъ въ православную церковь „передать Богу свою печаль, свое отчаяніе“ и молится со слезами. Въ Церкви же онъ начинаетъ и свою открытую проповѣдь о послѣднемъ времени. Далѣе, когда совершенно овладѣла имъ эта мысль, онъ рѣшается идти въ монастырь, а не въ скитъ раскольнической. Докукинъ, вѣрившій также въ послѣднее время, въ своихъ тетрадахъ, въ которыхъ не для чего было ему скрываться, относится со всѣмъ уваженіемъ къ пастырямъ Церкви православной (1) и прямо называетъ себя сыномъ Церкви православной: „есмы, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ тетрадокъ, святыя Церкви сынъ, аще и весьма грѣшныи, но рожденъ водою и духомъ, крещеніемъ святымъ и послѣдствую матере нашей восточной Церкви святой“... Или вотъ съ какою мольбою онъ обращается къ пастырямъ Церкви: „простите и черезъ небеснаго царя многими святыми своими молитвами у земнаго царя прилежно упросите, чтобъ онъ за великимъ страхомъ своимъ не повелѣлъ вамъ мя предати духовной казни, дабы общій вашъ и святой Церкви всегда былъ сынъ, а не изчадіе“ (2).

Такимъ образомъ мысль о Петрѣ, какъ антихристѣ, какъ ни горячо принималась къ сердцу, сама по себѣ

(1) « О святіи отцы іерарши пастыріе и учителяи и всего чину богодуховеннаго! молю вашей святыни простите меня грѣшнаго и паки прощу простите ми многогрѣшнаго», и такъ далѣе въ томъ же родѣ. (См. въ Раск. дѣлахъ прилож. къ ст. Докук.).

(2) Раск. дѣла, прилож. къ ст. Докук.

не имѣла неизбѣжнымъ своимъ слѣдствіемъ отпаденія отъ Церкви православной. Но понятно само собой, какъ это было близко и тѣсно соприкасалось одно съ другимъ. Стоило только развить, расширить эту мысль, распространить ее на дѣла церковныя, дать ей направленіе не гражданское (¹), а религиозное, слѣдовало только какому нибудь раскольничьему пропагандисту сообщить эти свои выводы человѣку, въ душѣ котораго засѣла уже мысль о Петрѣ, какъ антихристѣ, въ сердцѣ котораго накупѣло много тяжелыхъ, мрачныхъ чувствований, много недовольства новыми нелегкими порядками, обратить отуманенный уже взглядъ такого человѣка (а такихъ людей, какъ мы видѣли, было очень много) на Нигоновы новшества, на измѣненіе русскихъ обычаевъ и т. п. и заставить посмотреть на все это съ точки зрѣнія мысли о Петрѣ, какъ антихристѣ, и — отпаденіе отъ Церкви, какъ сообщающейся съ Петромъ и чрезъ это лишающейся своей святости (²), слишкомъ близко и въ такомъ случаѣ почти неизбѣжно. Такъ именно и дѣлали раскольники. „Слушайте,“ говорилъ Керженскій расколуучитель собравшемуся народу: нынче уже въ монастырѣ антихристъ есть и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ христіанамъ; а

(¹) Въ этомъ взглядѣ на событія по преимуществу съ гражданской точки зрѣнія и заключается, по нашему мнѣнію, причина того, что не развилась широко мысль о Петрѣ, какъ антихристѣ, у Таллицваго и др. То, что волновало ихъ, это были новые гражданскіе порядки. Чтобы убѣдиться, стоитъ только прочитать въ Раск. дѣлахъ Есипова статьи: Левинъ и Докукинъ, особенно см. 183 стр.

(²) Такъ именно смотрѣли на это раскольники. «А что Петръ въ Церковь ходитъ, говорилъ раскольникъ Кузьма Павловъ Левшутину, указывавшему на благочестіе государя,—и въ церквахъ нынѣ святости нѣтъ, для того ему и невозбраняется». Раск. дѣла 18 стол. стр. 365.

которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ и намъ тѣхъ поминать не надо и не довлѣтъ, для того, что Никонъ патріархъ нарушилъ вѣру христіанскую и нынче святости никто не обрѣтаетъ“, — и народъ внимательно слушалъ это ученіе. Мысль объ антихристѣ становилась для него страшною, всюду преслѣдующею его тѣнью, отъ которой нигдѣ онъ не могъ укрыться — „страшно, говорилъ керженскій раскольникъ, называемъ его антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу!“ „Видите вы и сами, говорилъ онъ обращаясь къ другимъ, какое смятеніе и между нами“. И вотъ, подъ неотразимымъ для запуганныхъ простодушно-набожныхъ русскихъ сердецъ дѣйствіемъ этой страшной мысли о пришествіи антихриста начался рядъ побѣговъ, направившихся прямо уже въ раскольниковскіе скиты!

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ постоянно отдѣлялась отъ государства, а потомъ и отъ Церкви огромная масса людей съ большею или меньшею степенью упругости, по различнымъ побужденіямъ расходившихся съ существовавшимъ тогда порядкомъ дѣлъ, — масса разнообразная, члены которой или централизовались въ раскольниковскіе скиты и пустыни, или разбродились и передвигались по различнымъ уголкамъ и захолустьямъ обширной Россіи или, — менѣе живые и впечатлительные, — оставались въ своихъ жилищахъ, съ тѣми же понятіями и антипатіями, съ какими другіе убѣгали въ скиты и лѣса. Не богата была эта масса теоріями, сознанными понятіями и отношеніями; гораздо богаче и интереснѣе она для исторіи явленіями своей практической жизни, своего изувѣрства, фанатизма и ожесточенія. Присмотримся теперь къ ней по-

ближе и постараемся хотя нѣсколько ознакомиться съ
внѣшнею и внутреннею жизнью раскольниковъ и рас-
кола этого времени.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).